

А. Вдовиченко

Традиционный литературный язык Евангелий: новая модель описания

Настоящее сообщение имеет целью в общих чертах осветить распространенные *ошибочные представления* в новозаветной лингвистике и наметить *новые принципы анализа и описания языка Евангелий*¹ и других сочинений, созданных в среде грекоговорящей иудейской диаспоры соответствующего периода. Необходимость пересмотра прежних представлений вызвана тем, что современное состояние исследований в области теории лингвистики, текста Еврейской Библии, Септуагинты и Нового Завета, а также ряд установленных мною лингвистических фактов радикальным образом изменяют сложившуюся систему оценок.

Сопоставления аутентичного греческого литературного текста, написанного на (ионийско-) аттической литературной норме, с любым текстом евангельского круга обыкновенно приводит исследователей к заключению, что 1) авторы Евангелий писали на *языке, отличном от литературного греческого*. Попытки объяснения этих очевидных отличий обыкновенно приводят к другому заключению, – что 2) евангельские тексты испытали воздействие некой *иной, не литературной греческой, стихии языка*. В попытках определить эту иную, не литературно-греческую, стихию языка в современной новозаветной лингвистике конституируются *два основных направления*. Первое имеет *эллиоцентричную* устремленность и склонно связывать лингвистические феномены, воспринимаемые с точки зрения (ионийско-) аттической нормы как неправильности, с т. н. языком *койнэ*, литературным или разговорным. Отличие нормы койнэ от (ионийско-) аттического литературного диалекта и есть то, что обусловило особенности Евангельских текстов. Второе направление в поисках причин непра-

¹ Под «языком Евангелий» имеется в виду язык *синоптических* Евангелий, а также ряда других сочинений, созданных в среде грекоговорящей иудейской диаспоры, в т. ч. Деяний Апостолов, Откровения ап. Иоанна Богослова, Testamentum Abrahami и др. Язык Евангелия от Иоанна составляет особый лингвистический сюжет и должен рассматриваться отдельно.

вильностей делает акцент на арамейской (или даже древнееврейской) стихии языка, будь он письменный или устный, исповедуя, таким образом, *семитоцентричную* позицию¹.

Чтобы интегрировать столь различные точки зрения и представить концептуальную картину в более пригодном для критики виде, необходимо выделить главные *составляющие* или элементы анализируемой лингвистической ситуации, факт которых нельзя отрицать и, соответственно, на которых или вопреки которым строятся концепции языка Евангелий. Эти составляющие суть следующие: 1) *греческий лексический материал*, использованный создателями текста Евангелий (при этом под греческим лексическим материалом имеется в виду не греческое семантическое и синтаксическое значение лексических единиц, а их *видимый греческий облик*)², и 2) очевидные *синтаксические и семантические семитизмы*, присутствующие в тексте Евангелий.

Эллиоцентричная позиция (А. Deissmann, А. Thumb, F. Blass, А. Debrunner, J. H. Moulton, H. B. Swete, J. Psichari, H. St. J. Thackeray, R. Helbing, H. Pernot, А. Pallis, S. Antoniadis, А. Meillet, J. de Zwaan, E. J. Goodspeed, E. C. Colwell, R. H. Charles, F. W. Howard; А. Wifstrand, L. Rydbeck, и др.) опирается по преимуществу на первый бесспорный факт – на то, что Евангелия написаны с использованием внешне греческого лексического материала, в то время как вторая очевидность, то есть семитизмы, занимает в имеющихся концепциях маргинальное и подчиненное положение.

Априорное признание того, что Евангелия суть грекоязычная литературная продукция, – то есть фактическая постанова во гла-

¹ Нужно отметить, что существует и третье направление, представленное прежде всего именем N. Turner'a, а также отчасти H. S. Gehman, P. Katz, K. Weuer; эти исследователи близки к тому, чтобы признать существование отдельного языка, т. н. иудейского греческого, со своими выразительными и структурными особенностями, однако приводимая аргументация весьма неубедительна прежде всего из-за того, что в ней отсутствует констатация единых структурных принципов, генезиса и традиции для предполагаемого отдельного языка; именно поэтому точка зрения Turner'a не получила широкого распространения и поддержки. В своем обзоре я не буду принимать во внимание представителей третьего направления, хотя выводы, к которым я прихожу независимо, полагаются, скорее, в этом направлении.

² Литература на тему «слово греческое, но значение не совсем – или совсем не – греческое», весьма обширна, см., напр., D. Hill. Greek Words and Hebrew Meanings. Studies in the Semantics of Soteriological Terms. Camb., 1967. Обычно в исследованиях такого рода речь идет о *семантических* сдвигах в греческих лексемах, когда они попадают в область иудейских (и затем христианских) смыслов. Предпринятое мною исследование обнаруживает *структурные* особенности иудейско-греческих текстов в области синтаксиса и т. н. текстуальности. Поэтому о греческом облике слова можно говорить с полнейшей определенностью, но его наполнение, то есть лексическое значение и синтаксическая роль лексемы, – весьма не однозначная величина.

ву угла греческого элемента, – заставляет исследователей искать *исконную греческую* парадигматику для феноменов евангельских текстов, которая и явилась бы той единой *системой координат*, в которой следует «исчислять» грамматические и семантические явления Евангельских текстов. Другими словами, дело сводится к поиску некой *исконно греческой языковой нормы*¹, к которой должен быть приписан Евангельский текст и согласно которой он должен пониматься. Именно здесь с эллиоцентричной позицией возникают сложности: если в Евангельских текстах и существует какая-то *исконная греческая норма*, то как поступить с очевидными семитизмами, которые в *исконно греческом* тексте есть по определению *нарушения нормы*? Язык, имеющий нарушения нормы, не может быть признан нормативным, а значит, если нет нормативности, нет и единой системы лингвистических координат. Соответственно, целостная аутентичная греческая норма в таком случае не может быть констатирована в языке Евангелий. Именно поэтому, заметим, законченная логика эллиоцентричной позиции состоит в том, чтобы включить докучливые семитизмы в состав какой-нибудь *исконно греческой нормы*, признав, что семитизмы уже не есть семитизмы, а рядовые *исконно греческие феномены*. Однако ни в одну норму, определяемую каким-либо корпусом *исконно греческих текстов* (то есть признаваемых *исконно греческими*), т. н. семитизмы полностью не включаются. Они упорно существуют как *нарушения греческого строя языка*, и с этим ничего не поделаешь². Таким образом, с эллиоцентричной точки зрения благодаря упорству семитизмов для языка Евангелий невозможно найти устойчивой нормы, соответственно, самое большее, что позволяет нам эллиоцент-

¹ Понятие нормы, нормативности имеет отношение к лингвистической ситуации, возникающей между автором текста и его аудиторией (адресатом). Модель языка, на котором пишут, должна быть адекватна модели того языка, на котором читают (или воспринимают на слух). Такая адекватность есть нормативность языка в данной лингвистической общности и в данной лингвистической ситуации. Соответственно, нормативным является любой строй языка, отвечающий параметрам, которые приняты в данной лингвистической ситуации (разговорная речь в различных ситуациях, деловая документация, письменный текст литературного свойства и т. д.). Ненормативность означает отсутствие адекватности, вызванное тем, что автор текста (речи) на уровне морфологии, синтаксиса, семантики и пр., нарушает лингвистические параметры, принятые у аудитории для данной ситуации.

² В этом смысле показательна история Moulton'a, одного из наиболее горячих сторонников греческой аутентичности, который, однако, был вынужден в позднейших работах отказаться от своего эллиоцентричного ригоризма, признать «истинные семитизмы» в евангельском тексте и дать собственное определение понятию «семитизм», см. E. C. Maloney. Semitic Interference in Marcan Syntax. Michigan, 1981. P. 9–10.

ричная схема – это констатировать, что язык Евангелий есть *какая-то греческая норма с включенными в нее неправильностями*, делающими этот язык в целом *ненормативным*.

Здесь я хочу воззвать к здравому смыслу: возможно ли представить, чтобы тексты *такой* значимости, повествующие о *таких* событиях в религиозной жизни богоизбранного народа, писались на *ненормативном* языке? Это было бы одновременно смешно, нелепо, цинично, иронично, глупо и т. д. Если же мы все-таки настаиваем на факте ненормативности – то есть, если по существу не отдаем себе отчета в том, *что реально означает отсутствие нормы в языке* и как это звучит для субъекта лингвистической ситуации, – то я воссоздам логическое продолжение такого допущения, как обычно, впрочем, и поступают явно или имплицитно многие сторонники эллиоцентричной схемы; получается, что авторы Евангелий были настолько неотесаны и безграмотны, что не могли писать иначе; все, что они могли, – это *стараться* писать на какой-то греческой норме, но им этого не удавалось, и они в меру своей безграмотности вставляли в текст семитские кальки, проистекающие из их лингвистического background'a. Действительно это по меньшей мере странно, поскольку литературные тексты, даже гораздо меньшей значимости, обыкновенно создаются людьми, *способными* создавать литературные тексты, если же писатель *не знает языка, на котором пишет*, о каком писательстве и вообще о каком тексте можно говорить?

Затем эта предполагаемая ситуация, констатирующая отсутствие нормы, с точки зрения элементарного здравого смысла несколько подозрительна и вот в каком аспекте: получается, что все авторы Евангелий, не умея писать по-гречески, все-таки тратили весьма дорогие папирусы и создавали пространные сочинения, каждая строка которых свидетельствует о том, как писать нельзя. Другими словами, получается, что ненормативность языка, которую как продукцию безграмотных людей можно представить, например, в кратких настенных граффити, засвидетельствована в *целом корпусе* литературы и у *целого ряда* авторов. Не странно ли это? Даже на взгляд нелингвиста заключение о том, что все авторы Евангелий *писали на языке, которого не знали*, и что *целый ряд* безграмотных людей благодаря своему непросвещенному упорству создал *целый корпус литературы*, – это заключение даже на взгляд нелингвиста походит на изобличение *концептуального тупика*, в котором оказывается эллиоцентричная точка зрения. И здесь, выбирая из двух возможностей, признать ли тупик теории или признать нешуточную дикость авторов корпуса священных текстов вкупе с языковой ненормативностью самого корпуса, мне кажется, следует выбрать первое даже без специальных рассуждений.

Однако от эмоций обратимся к лингвистической ситуации и тем ее проявлениям, которые нельзя отрицать. Здесь я хочу привести всего один пример, который очевидным образом не вписывается в эллиоцентричную схему и который не может быть ею объяснен. Если о языке первого и второго Евангелий исследователи спорят, был ли семитский оригинал для каждого из этих текстов, то св. Лука, автор третьего Евангелия, всегда оставался необъяснимым лингвистическим феноменом. Дело в том, что своему Евангелию он предпослал предисловие, написанное всецело в духе изящной (ионийско-) аттической прозы, и этот факт сам по себе свидетельствует о том, что автор *совершенно свободно выражался в письменной форме на литературном греческом*, безусловно владея *нормативным* языком. Это, впрочем, и неудивительно, поскольку о Луке известно, что он был эллински образован, начитан в греческой литературе, по происхождению не был евреем, и, по всей видимости, даже не знал арамейского языка. Но тем более удивителен другой факт, остающийся без объяснения в эллиоцентричной схеме: *почему автор, проявивший себя в предисловии знатоком аттической нормы, приступая к тексту самого Евангелия, вдруг переходит на язык, начиненный семитизмами, то есть отступает от исконно греческой правильной нормы и делает выбор в пользу заведомо ненормативного (с эллиоцентричной точки зрения) языка?* Зачем он намеренно исковеркал свою изящную прозу, напичкав ее семитскими неправильностями? Почему он не захотел писать на правильном языке, хотя и мог? Зачем ему понадобилось представлять себя «худшим» писателем, чем он на самом деле был? Нужно признать, что здесь эллиоцентричная схема заходит в полный концептуальный тупик *de facto*¹.

Главная характеристическая черта *семитоцентричного* направления – сосредоточенность на семитском материале, то есть опора на второй бесспорный элемент Евангельского текста (J. Vergote, J. Wellhausen, G. Dalman, C. C. Torrey, C. F. Burney, J. A. Montgomery, R. B. Y. Scott, M. Burrows, M.-J. Lagrange, P. Jouon, H. J. Cadbury; M. Black, M. Wilcox, C. F. D. Moule, V. Taylor, J. Jeremias, M. Zerwick, R. A. Martin, J. A. Fitzmeyer, и др.). Первое, что следует признать, – это направление, в отличие от эллиоцентричного, *вовсе оставляет вопрос о норме вне сферы своего рассмотрения*. Проблема целостности языка, на котором написаны Евангелия, по умолчанию разрешается в пользу *отсутствия* целостности. В самом деле, если смотреть на евангельский текст с эллинской точки зрения, то та видимая мера, в которой представ-

¹ Суждение о том, что Лука, возможно, есть «добровольный септуагинталист», полагается, скорее, в русле семитоцентричного направления, см. сноску на с. 220.

лен в этом тексте греческий элемент, конечно, располагает к гораздо большему оптимизму в деле поиска греческой нормативности (хоть, впрочем, ее все равно не удастся найти). Что же касается семитоцентричной точки зрения, то в таком количестве греческого, вернее, грекоподобного, материала семитский элемент заведомо представляет собой лишь вкрапление, несистематическое нарушение, поэтому говорить о какой-то всеобщей семитской нормативности представляется совершенно невероятным. Таким образом, в семитоцентричной схеме так же, как и в эллиоцентричной, констатируется отсутствие единой нормы языка Евангелий и признается его *неправильность* и *ненормативность*.

Здесь снова уместно обращение к здравому смыслу. Неужто тексты *такой* значимости, повествующие о *таких* событиях в религиозной жизни богоизбранного народа, писались на *ненормативном* языке? Отдаем ли мы себе отчет в том, что такое *ненормативный* язык для субъекта лингвистической ситуации и можно ли на нем вообще что-либо написать? Неужто авторы Евангелий были настолько неотесаны и безграмотны, что не могли писать на каком-то «нормальном» языке? Неужто Евангелия – это тексты, которые созданы людьми, *не способными создавать литературные тексты, не знающими языка, на котором они пишут*, при этом этих авторов *целый ряд*, и написан ими *целый литературный корпус*?

Согласившись по умолчанию с фактом ненормативности, представители семитоцентричного направления сосредотачиваются на исследованиях вопроса, *откуда* в евангельский текст попали семитизмы и *какие* они – арамеизмы, гебраизмы или септуагинтизмы. И здесь позволительно спросить, в чем смысл таких поисков и констатаций, если все идентифицированные феномены – и арамеизмы, и гебраизмы, и септуагинтизмы – все равно суть *неправильности*, признаки испорченности языка, а в испорченности, как во всяком хаосе, логика и смысл отсутствуют, их там нет и не может быть. Другими словами, полагая свою цель в том, чтобы отыскать источники семитизмов, исследователи не замечают, как достигают и другую цель – утверждают факт пущей испорченности языка Евангелий посредством констатации *неправильностей*, взятых из еврейского текста, из арамейских targumov, из текста Септуагинты, из какого-то неведомого нам устного языка и т. д. Это несколько не вносит в сокровищницу понимания текста, а, скорее, наоборот. (Повторяю, что настоящая задача исследователей в данной области – найти некую *целостную систему координат*, в которой можно исчислить грамматические и семантические феномены евангельского текста и таким образом его понять как стройную организованную целостность. Если же таковая система, таковое нормативное единство, тако-

вая целостность отсутствуют, то текст распадается на элементы и предстает в виде хаоса языковых явлений, не сочетающихся друг с другом и не образующих отдельной и самодостаточной языковой стихии; в хаосе нет опорных точек для определения значений и, соответственно, для понимания, но именно этот хаос мы и констатируем, говоря о семитизмах как *нарушениях* нормы.

Кроме того, в этой работе по исследованию элементов хаоса исследователи зачастую попадают в *замкнутый круг*, поскольку анализируемые грамматические феномены в большинстве случаев могут быть возведены *сразу к нескольким источникам*. Это обусловлено тем, что 1) для арамейских таргумов и Септуагинты единым источником является текст еврейской Библии (соответственно, отдельно взятый феномен евангельского текста зачастую может быть одновременно гебраизмом, арамеизмом или септуагинтизмом), 2) как Септуагинта, так и исконно греческие тексты используют внешне один и тот же лексический материал и иногда обнаруживают совпадения на уровне синтаксиса (соответственно, одно и то же грамматическое явление евангельского текста, особенно на лексическом и микросинтаксическом уровне, иногда может быть идентифицировано одновременно и как септуагинтизм, и как грецизм), 3) нельзя исключить возможности того, что на греческий папирусный материал или на какую-то его часть оказал влияние язык Септуагинты (соответственно, никакого выхода за пределы семитского материала папирусы или их часть в таком случае не дают), 4) один и тот же новозаветный автор мог быть основательно знаком сразу с несколькими лингвистическими источниками, например, с Септуагинтой и древнееврейским оригиналом, и тогда грамматические семитизмы в его узусе могут быть одновременно септуагинтизмами и гебраизмами и т. д. Таким образом, по сути самого лингвистического материала и по сути существующей методики его анализа замкнутый круг здесь неизбежен. Эта двух- (а иногда и трех-, и четырех-) смысленность в свою очередь открывает исследователям новое интересное поле исследования – найти и *отделить* септуагинтизмы от гебраизмов, гебраизмы от арамеизмов, септуагинтизмы от грецизмов и т. д., что само по себе не означает нахождения ответа на вопрос «как же можно писать на ненормативном языке?» и подменяет главную задачу – найти единую систему лингвистических координат.

Следует также сказать о том, что в русле семитоцентричного направления особое место занимает *вопрос о первоисточниках*, то есть о семитоязычных оригиналах, якобы послуживших основанием для некоторых Евангелий. Действительно, нарушения нормы, то есть все те семитские неправильности языка, которые якобы разрушают целостность греческой выразительной системы, полу-

чают в таком случае некоторое оправдание – «что ж, по-гречески написано плохо, но не греческое изящество было целью переводчика: главное здесь – это некий оригинал, вернее, передача этого оригинала, – его смыслы, пусть и переданные в переводе вне законов греческого литературного языка, – вот что оправдывает сей варварский язык». Это было бы так, но в ситуации с поисками оригиналов непонятна *избирательность* исследовательского внимания: семитизмы, то есть потенциальные признаки арамейского или древнееврейского оригинала, присутствуют практически *во всех* текстах новозаветного корпуса; почему же существование оригиналов в подавляющем большинстве случаев пытаются доказать *только* для Евангелия от Матфея и Евангелия от Марка? (Впрочем, для Матфея – понятно, ввиду свидетельства традиции, но причем здесь Марк?) Почему не признать в таком случае, что арамейские или древнееврейские оригиналы существуют и для Евангелия от Луки, и от Иоанна, и для Деяний, и для Апокалипсиса, и для многих других сочинений грекоязычной иудейской литературы, не вошедших в Новозаветный канон? Концепция оригиналов по законченной семитоцентричной логике должна быть распространена на *все* эти тексты, однако полное отсутствие исторических свидетельств, так же как и некое необъяснимое лингвистическое чувство, сдерживает исследовательский порыв и заставляет не вполне адекватно в поисках семитских оригиналов ограничиваться *только авторами двух первых* Евангелий. В случае, например, автора третьего Евангелия, Евангелия Луки, абсурдность допущения оригинала выглядела бы особенно рельефно. Я повторюсь. Признание семитского оригинала означало бы следующую картину. Лука, эллински образованный и начитанный человек, засвидетельствовавший в предисловии умение писать по-гречески, затем вдруг начинает создавать свое сочинение путем компилирования заведомо варварских текстов, при этом получается, что он, проявляя незаурядное писательское мастерство в сфере композиции, изменяет структуру и сам язык своих источников, однако неизменно *сохраняет* и даже *лично преломляет* и *дополняет* вопиющие неправильности (семитизмы) своих источников. Это можно было бы снова объяснить некой странностью или неотесанностью автора-компилятора, однако общепризнано, что Лука не очень-то вхож в эту парадигму¹. По всей видимос-

¹ Нужно заметить, что в русле семитоцентричного направления возникает суждение о том, что Лука мог быть «добровольным септуагинталистом» («deliberate septuagintalizer», см.: *H. F. D. Sparks*. «The Semitisms of St. Luke's Gospel», *Journal of Theological Studies*, vol. 44, 1943, P. 129–138). На мой взгляд, это наиболее продуктивная точка зрения, задающая правильный вектор исследования. Ведь если так, то «добровольными септуагинталистами» с очевиднос-

ти, и здесь современные теории с их поисками оригиналов как источников семитизмов заходят в концептуальный тупик.

Далее, процесс проникновения неправильностей в язык Евангелий оба направления – и семито- и эллиноцентричное – в большинстве случаев связывают с т. н. явлением *билингвизма*, онтология которого зиждется на признании того, что 1) авторы были знакомы как минимум с двумя языками – греческим и каким-то семитским (вероятнее всего, с арамейским) и 2) что они вставляли в греческий текст семитские кальки, которые навязывало им их семитоязычное лингвистическое сознание. На явлении билингвизма, которое составляет квинтэссенцию современных научных представлений в данной области и не противоречит ни эллиноцентричной, ни, в основном, семитоцентричной позиции, мне хотелось бы остановиться особо. Дело в том, что в самом конституировании и применении этого понятия содержится одно из фундаментальных заблуждений современной лингвистической теории, которое заставляет исследователей от начала идти по неправильному пути. Это заблуждение – *признание того, что письменный язык является прямым отражением устного языка и что в письменном языке можно непосредственно видеть некий разговорный узус*¹. В действительности создание письменного текста есть процесс гораздо более опосредованный, чем обыкновенно он мыслится в духе теории билингвизма, а мыслится он следующим образом – «евангельские авторы писали по-гречески так, как говорили или могли бы сказать, то есть так, как навязывало им их арамеоязычное сознание, поскольку они не знали, как нужно писать по-гречески правильно»². На самом деле, процесс созда-

тью могли быть и все остальные евангельские авторы, соответственно, исследование оказывается на пороге признания особого языка и т. д. Однако такой теоретический поворот влечет за собой слишком радикальное изменение принятых подходов к языку Нового Завета и требует разрешения масштабных вопросов, связанных с *конституированием* этого языка – его традицией, единой структурной нормой, генезисом, сферой функционирования и т. д. Для такого поворота со времен Deissmann'a теории не доставало данных, а также методологических инструментов, которыми эти данные добываются. Именно поэтому в новозаветной лингвистике св. Лука как «добровольный септуагинталист» остается в одиночестве под знаком вопроса (см. у того же Sparks'a, С. 138) и не провоцирует никаких изменений в общей концептуальной картине.

¹ Наиболее полным сводом современных представлений в духе билингвизма является работа *G. H. R. Horsley. The fiction of «Jewish Greek» // New Documents Illustrating Early Christianity. V. 5, 1989. P. 5–40.*

² Ср., напр., определение феноменов языковой интерференции, данное U. Weinrich'ом (*Languages in Contact, The Hague, 1974*) и прилагаемое Horsley без каких-либо поправок к новозаветной лингвистической ситуации: «[феномены интерференции] суть случаи отклонения от языковой нормы, которые появляются в речи билингв как результат их знакомства с более чем одним языком».

ния письменного текста предполагает *такой уровень рефлексии и отбора языковых средств, таких затрат времени и сил*, что автор с неизбежностью успеваеет осознать свои возможности и способности. Соответственно, он успеваеет понять, что если язык, на котором он пишет, ему незнаком, то и писать на нем незачем, – ничего, кроме вреда самому себе и предмету такого литературного творчества, из этого не проистечет. (Представьте, что человек, еле знакомый с английским языком, возьмется создавать англоязычную повесть, или, наоборот, какую повесть может написать по-русски англичанин, еле знакомый с русским языком?) Литературное творчество предполагает совершенно иное использование языка, чем то, которое явно и имплицитно констатируется понятием «билингвизм». Прежде всего следует признать, что использование языка при создании литературного текста *опосредовано и рефлексивно*, а это в свою очередь означает, что новозаветные авторы *осознанно* употребляли те или иные обороты и ни о каком *непосредственном* проникновении языковых феноменов из разговорного узуса в литературный текст не может быть и речи. Соответственно, возникает такая картина: семитизмы, то есть заведомые *неправильности* в греческом литературном тексте, непонятно почему все-таки благополучно преодолевают стадию авторской рефлексии и осознанно попадают в письменный текст (вспомним для наглядности Ев. Луку, как же он мог это допустить?) В действительности осознанные семитизмы в тексте можно объяснить только одним – фактом того, что для авторов текстов и для их аудитории язык, на котором создавались сочинения новозаветного корпуса, был *общепринятым, общепонятным и нормативным* – авторы не могли писать, зная, что они заранее обречены на осуждение со стороны аудитории за «неправильности». Это значит, что «неправильности», признаваемые как таковые в семито- и эллиноцентричных схемах и припечатанные процессом билингвизма, на самом деле не есть неправильности. (Забегая немного вперед, следует отметить, что из этой апории есть только один выход – признать, что евангельский язык вместе с т. н. семитизмами, интегрированными в него, представляет собой некое *единство и правильную норму*).

Чтобы пояснить вопрос о том, насколько опосредован процесс создания письменного текста, а также вопрос об отношении между автором и аудиторией, и тем самым показать, что в *литературной* ситуации о билингвизме можно говорить совершенно в ином смысле, чем в ситуации устной речи, я приведу вполне очевидный пример, современный лингвистической ситуации I в. Родным языком Иосифа Флавия был арамейский, к тому же, как сам он признавался, он хорошо знал древнееврейский язык. По-гре-

чески, опять же как сам он признавался, говорил он плохо, а греческую грамматику изучал, читая сочинения греческих авторов. Интересен тот факт, что в весьма значительном корпусе его сочинений количество семитизмов, допущенных арамеоязычным автором и обнаруженных затем скрупулезными исследователями, практически *равно нулю*. Та же ситуация, заметим, и с сироязычным Лукианом, автором многочисленных сочинений, написанных на чистейшем аттическом диалекте. Как объяснить факт *семитского лингвистического background'a* авторов и *отсутствия семитизмов* в их текстах? Причина здесь одна – Иосиф Флавий, так же как и Лукиан, создавал свои сочинения для *эллинской аудитории* в русле литературной традиции, требовавшей эллински правильного использования греческого литературного языка. Если бы арамеоязычный Иосиф Флавий оснастил свой греческий текст семитизмами, очевидно, имевшими место в его сознании, или написал бы хоть пару пассажей на языке Септуагинты – тоже, казалось бы, греческом языке, но испещренным неправильностями в эллинском смысле, – то ни один эллинский читатель не посчитал бы его эллинским писателем, имеющим право посягать на участие в греческой литературной традиции. Именно поэтому с точки зрения формальной языковой нормы Иосиф Флавий явил себя в своем тексте настоящим эллином. Таким образом, в случае иудейского историка следует констатировать *опосредованность и рефлексию* при пользовании языком, *независимость литературного языка* от чуждого по структуре родного языка автора, затем следует констатировать факт *существования самого литературного языка* и факт его *общепринятости для автора и аудитории*, а кроме того, следует констатировать факт *авторитетной литературной традиции*, в которой благодаря общепринятому языку адекватно реализует себя пишущий и читающий. Итак, обнаруживаются ли в ситуации с евангельскими текстами *те же черты*, что и в случае с Иосифом Флавием, или осмысление новозаветной лингвистической ситуации следует подвергнуть тотальному концептуальному разрушению, признав явление билингвизма (отражающее, заметим, суть как эллиноцентричной, так и, в основном, семитоцентричной позиций), – явление, которое утверждает отсутствие всякой рефлексии при пользовании языком в письменном тексте («как говорили, так и писали»), которое утверждает прямую связь письменного языка с разговорным, которое отрицает сам факт существования литературного языка в евангельских текстах, которое отрицает факт его общепринятости для автора и аудитории и которое, наконец, отрицает какую-либо литературную традицию, для которой язык Евангелий был бы аутентичным?

Разрешение этого интригующего вопроса составляет содержание положительной части моей статьи.

Итак, семитоцентричное и эллиноцентричное направления соглашаются в том, что в случае Евангелий мы имеем дело с *неправильным* языком. Причем факт неправильности даже не обсуждается, а практически принимается как аксиома, поскольку, с одной стороны, с очевидностью невозможно отрицать *факт семитизмов* в тексте Евангелия (и, следовательно, *исконно греческой нормы* с этой точки зрения *нет*), с другой стороны, известные к настоящему моменту семитизмы по умолчанию признаются в греческом тексте *вкраплениями, не образующими целостной системы*, и, соответственно, они также не конституируют нормы, так что *семитоязычной нормативности тоже нет*. Другими словами, *бесспорный греческий элемент и бесспорный семитский элемент, согласно представлениям, сложившимся в новозаветной лингвистике, мешают друг другу создать языковое единство*. Констатация отсутствия нормы подспудно вводит признание лингвистического хаоса в новозаветном языке, что обыкновенно объясняется хаосом в лингвистическом сознании новозаветных авторов. Это ведет к непрерывным поискам объяснения хаоса в виде семитских оригиналов, билингвизма и т. д., что не меняет картины, а только усугубляет ее, поскольку теоретизирует и объясняет процесс порчи и бессистемности новозаветного языка. (Напомню, что обычной, не обремененной подробностями, точкой зрения на язык Евангелий стала такая: «Евангелия написаны на разговорном греческом нормативном койнэ, хоть, впрочем, этот язык не совсем нормативен ввиду массы семитизмов в тексте, которые попали туда из родного языка авторов (которые не осознавали, что они не знают языка, на котором пишут). Авторы, хотя и были людьми простыми и темными (кроме, конечно, Ев. Луки, Ев. Марка, который был переводчиком, Ев. Иоанна, который философствовал, да и пожалуй, Ев. Матфея, весьма похожего на иудейского книжника) и не умели писать по-гречески (кроме, конечно, Ев. Луки, Ев. Иоанна и др.), все равно, как говорили по-арамейски на улице, так по-гречески в простоте и написали целый корпус священных текстов. И все это для того, чтобы проповедать Благую Весть грекоговорящим иудеям диаспоры (которые и без того к проповедникам новой Благой Вести относились весьма недоверчиво, а плюс к тому еще и наблюдали их ужасающее косноязычие в литературном тексте); впрочем, для некоторых Евангелий существуют семитские оригиналы, которые послужили источником семитизмов, и тогда остальные авторы, перед которыми не лежали семитские оригиналы, были просто добровольными септуагинталистами (то есть литературными самоубийцами, в греческом смысле) или безгра-

мотными неучами, и т. д.) Нужно признать, что оправдать такое положение в новозаветной лингвистике можно только в том случае, если квалифицировать это положение как стадию *ДИЗЬЮНКЦИИ*, в которую неизбежно входит всякая теория и за которой должен последовать *синтез*. (В качестве иллюстрации концептуального тупика теории и, я бы сказал, исследовательской усталости от замкнутых кругов можно привести одно из последних исследований, а именно, Е. С. Maloney, *Semitic Interference in Marcan Syntax*, Michigan, 1981, где автор уже не берется с определенностью судить, откуда возникают семитизмы в языке ев. Марка, но в качестве результата своего исследования лишь приводит сводную таблицу, в которой для каждого грамматического явления, подозреваемого в семитском происхождении, дается список возможных источников – арамейский язык, Септуагинта, древнееврейский, греческое койнэ и т. д.; при этом в подавляющем большинстве случаев возможных источников указывается *сразу несколько*.)

Сейчас я нарисую *совершенно иную картину*, не похожую на ту, которая была инициирована в библейской лингвистике в начале этого века и с тех пор не прекращает усложняться, запутываться и обрастать неясностями. Из того, какие представления были обозначены в первой части моего выступления как ошибочные, ясно, что теперь я собираюсь утверждать, что 1) язык Нового Завета существует как *обособленное структурированное единство*, то есть что он представляет собой в настоящем смысле *особый язык со своей формально определяемой структурной нормой*, 2) что этот язык обладал свойством *общепринятости* в рамках *определенной сферы использования* (сразу оговорюсь, что это ни в коем случае *не разговорный*, а, вне всяких сомнений, *литературный язык*), и что 3) у этого языка есть *авторитетная литературная традиция*, для которой он является *аутентичным* и в которой благодаря свойству общепринятости языка, *адекватно* реализовывал себя пишущий на этом языке и читающий на этом языке субъект традиции.

Новая модель описания языка Евангелий, которую я собираюсь представить, зиждется прежде всего на некоторых общелингвистических основаниях, которые необходимо пояснить.

I. В настоящее время в лингвистической теории *лексический* критерий конституирования языка постепенно уступает первенство *синтаксическому* критерию. Попросту говоря, мы привыкли к тому, что слово имеет какое-то семантическое значение, и это значение для слова есть его главная аутентичная принадлежность и достоинство, нечто «главное и основное». Соответственно, видя по внешности *греческое слово*, мы обыкновенно делаем вывод о том, что перед нами *греческий язык*. Действительно, это было бы справедли-

во в отношении *отдельно взятого слова*, однако отдельное слово не есть *речь* и не есть *текст*. Речь и текст – это всеобщая многоуровневая *связность слов*, связность и есть синтаксис в широком понимании («когда два слова поставлены рядом, это уже синтаксис»), это и есть в широком понимании *язык*. Характеристика того, каким образом связываются друг с другом слова и образуют текст, есть синтаксический критерий конституирования отдельного языка. Обычно семантическое значение, о котором я говорил, для нас как бы вытесняет и затмевает синтаксическое значение, и мы не привыкли отводить синтаксическому должное место. Но я приведу такой пример. У слова «стол» есть реальный денотат, то есть то, что это слово «обозначает». А какой денотат, скажите, у слова «чтобы»? Или чем отличается слово «стол» от слова «столу» и т. д.? Здесь мы вынуждены констатировать, что слово «чтобы» обозначает не какой-то денотат (как в случае «стола»), а некую синтаксическую связь, некий модус синтаксической связи, оно необходимо для построения или «связывания» речи, то есть для синтаксиса, и ничего не означает вне связной речи, так же как и разница между «стол» и «столу» тоже передает некие отличия в синтаксической позиции, то есть имеет отношение к вопросу, какое место в связной речи или в связанном тексте занимает данное слово, и вне синтаксиса отличие «стол-столу» не означает ничего. Именно такие слова, как «чтобы» (то есть синтаксические определители), являются самыми частотными в языке, так же как к самым частотным явлениям в речи (тексте) относятся и указатели на падежные отношения. Интересно также и то, что слова, имеющие денотат (в смысле «стола») и, соответственно, имеющие семантическое значение, – это далеко не все лексические единицы языка, кроме них в языке имеется огромное количество слов, которые не имеют денотата, то есть таких слов, как «чтобы» (сами морфемы, между прочим, тоже не имеют денотата). Однако, что касается синтаксического значения, то им в связной речи или тексте обладают абсолютно все лексические единицы. Таким образом, в сферу синтаксического критерия попадают все единицы языка, в сферу семантического – лишь часть. Поэтому синтаксис в широком значении этого слова есть настоящая система языка, и речь (текст) на каком угодно языке есть по преимуществу *синтаксический* феномен, а уже потом только *семантический*. Это и означает приоритет синтаксического критерия конституирования языка над лексическим. В нашем конкретном случае, то есть для языка Евангелий, все вышесказанное имеет, например, такое видимое следствие. Каждый язык характеризуется своим, присущим только ему, синтаксисом, следовательно, в аутентичном греческом тексте слова «ставятся рядом друг с другом» по *своим законам*, от-

личным от какой-либо другой нормы. Так, существуют две обычные греческие лексемы, два греческих «слова», ΚΑΙ и ΕΓΕΝΕΤΟ. Невозможно утверждать, что эти слова, взятые по отдельности, то есть на уровне *лексики*, имеют хоть какой-то негреческий элемент. Однако эти два слова становятся не аутентично греческим элементом, если входят в состав *синтаксической* конструкции, не представленной в аутентично греческой синтаксической парадигматике, функционируя в тексте на месте синтаксического элемента *древнееврейского* текста, слова *Wayehi*, совершенно чуждого греческому синтаксису. Здесь, благодаря *синтаксическому* критерию, уже следует говорить о *признаках* иной, негреческой, структуры языка. А затем, если мы и в отношении комплекса других элементов обнаруживаем целостную негреческую синтаксическую систему, хотя и представленную греческими лексемами, то мы должны констатировать уже не признаки структуры, а собственно *иную негреческую структуру*. Иными словами, греческие лексемы не должны заслонять негреческий синтаксис, который сам по себе конституирует систему иного языка или иную норму (иной, не литературный аттический, *извод*) греческого языка.

II. Синтаксический принцип конституирования языка, о котором я говорил, последовательно реализуется в *текстлингвистике* – новом направлении в лингвистике, которое тоже следует пояснить. Прежде всего текстлингвистика предполагает *теорию коммуникативных ситуаций*. Коммуникативная ситуация – это определенный способ организации акта коммуникации, явленный в тексте. Попросту говоря, у любого текста есть говорящий (пишущий), то есть *источник текста*, затем *адресат*, тот, к кому обращен текст, и *предмет* коммуникации, реализованной в тексте; отношения между этими составляющими коммуникативного акта могут быть различными или варьироваться в структуре текста. Так, говорящий может говорить от своего лица и непосредственно апеллировать к присутствующим слушателям: «Я призываю Вас... взгляните и убедитесь...» и т. д., говорящий может обсуждать предмет коммуникации без обращения ко второму лицу, как бы произнося монолог («Эта тема, пожалуй, наиболее авторитетно звучит у представителей... однако нельзя не заметить...» и т. д.), автор текста может просто повествовать, как бы объективизируя изображаемую реальность («И пошел Авраам, и взял агнца, и принес...» и т. д.), и др. – все это будут разные коммуникативные ситуации. В каждый конкретный момент текста отношения между составляющими коммуникативной ситуации могут быть контекстуально определены по соответствующим *формальным и точным признакам*, к которым прежде всего относятся указание на лица в формах глаголов и местоимений, союзы, вопросительные слова, вводные сло-

ва, частицы и др. Различные коммуникативные ситуации предполагают соответствующие способы построения текстов. *Внутренняя структура текста*, таким образом, *зависит от реализуемой в тексте коммуникативной ситуации*. Так, говорящий (пишущий), чтобы задать вопрос, «избирает» совершенно иной тип построения текста, чем тот, что был бы избран им для рассказа о неких событиях, при этом в первом случае будут употребляться такие элементы построения текста (напр., вопросительные слова, соответствующие глагольные формы и др.), которые не возможны во втором случае. Так, в тексте диалогического типа («Как дела? Не желаешь ли нас посетить?») и т. д.) реализована совершенно иная коммуникативная ситуация, нежели в тексте типа «Жили-были старик со старухой, старик ловил рыбу, а старуха пряла пряжу. Однажды пошел старик к морю, идет и думает...»: в первом случае имеют место «я» и «ты», в данном типе возможны вопросы, императивы, во втором случае – только «они», невозможны вопросы, императивы, формы будущего времени, какие бы то ни было обнаружения «я» (первого лица) автора текста или «второго» лица слушателя и т. п. Таким образом, *внутренняя морфология текста* (вплоть до морфологии глагольных форм) *определяется «сверху», то есть избранным (или заданным) типом коммуникативной ситуации*. В этом взгляде «сверху» заключается, пожалуй, наиболее ощутимая новизна текстлингвистики. В ситуации с евангельскими текстами этот лингвистический подход «сверху» сказывается, например, в том, что 1) следует разделять и рассматривать отдельно *нарративные* и *диалогические* части текста, ввиду, как уже было сказано, очевидного различия коммуникативных ситуаций, реализованных в них (соответственно, нарративные части имеют в некотором смысле «свое», только им свойственное, строение, в отличие от диалогических частей), затем 2) апостольские послания и Евангелия суть совершенно *разные типы текстов*, опять-таки ввиду совершенно различных коммуникативных ситуаций, реализованных в них, следовательно, в поисках структуры языка эти типы текстов следует рассматривать *отдельно* и ни в коем случае не смешивать, затем 3) разговорный язык, как мы его себе обычно представляем, в принципе не может служить для создания священного нарратива, коим являются Евангелия, опять-таки ввиду непреходимых различий коммуникативных ситуаций, свойственных *священному нарративу* и любой *ситуативной диалогической* разговорной речи, затем 4) в поисках общности или различия языка папирусов и евангельского языка необходимо отдавать себе отчет в том, что т. н. нелитературные папирусы *никогда и нигде не дают той же коммуникативной ситуации*, что и священный нарратив Евангелия – это совершенно различные области применения язы-

ка, и структура языка в принципе не может быть одной и той же в столь различных коммуникативных ситуациях и т. д.

Затем, текстлингвистический взгляд «сверху», о котором я сказал, предполагает также необходимость *выхода за пределы предложения* как минимальной поддающейся формальному анализу структуры. Так, например, с уже приведенным текстом «Жили-были» ситуация следующая. Традиционный способ грамматического анализа видит несколько предложений со своими подлежащими и сказуемыми, различные времена глаголов, каждый из которых имеет значение прошедшего времени, одни формы совершенного вида, другие – несовершенного и т. п. При таком подходе целостность анализируемого текста остается вне рассмотрения как самоочевидное и само собой разумеющееся, не получая никакого теоретического истолкования и обоснования, так, как будто скопление идентифицированных форм, составляющих предложения, есть уже фактор возникновения текста; другими словами, вопрос о причинах дифференциации форм глаголов в предложениях, последовательности предложений и связи друг с другом вовсе не ставится, заменяясь констатацией морфологических особенностей форм, которые сами собой будто бы что-то обозначают и создают; в то время как текстлингвистический анализ констатирует, что в начале рассматриваемого текста 1) конституируется определенный тип коммуникативной ситуации (то есть наррация), 2) в рамках заданного типа коммуникативной ситуации (и по требованию данного типа) имеет место ряд имперфектных глагольных форм, которые образуют фон для последующего повествования, и до тех пор, пока будут следовать имперфектные формы – «жили-были, ловил, пряла», – не может начаться собственно рассказ, то есть главная линия повествования, в которой реализуется идея текста. Он начинается только тогда, когда вместе с указанием на время появляется форма «аориста» – «однажды пошел». Здесь читатель понимает, что фон закончился и началась главная линия повествования, 3) затем формы настоящего времени «идет и думает» воспринимаются и понимаются адекватно только как часть установленной текстом последовательности – «жили-были, ловил, пряла, однажды пошел, идет и думает», ни о каком собственно настоящем времени не может быть и речи и т. д. При таком подходе налицо *корреляция между требованиями структуры текста, то есть требованиями «сверху», и синтактико-морфологическим строением текста*, при этом, как видно, не формы глагола определяют синтаксическую картину текста, а *построение текста определяет выбор глагольных форм*. И таким образом, глагольные формы (как и некоторые другие определители) указывают не просто на время и вид глаголов, а на опре-

деленную заданную структуру текста, требующую именно таких форм, и т. д. Нужно сказать, что такой метод анализа текста, в отличие от традиционного, непосредственно следует за логикой и действительной практикой построения текста: когда говорящий (пишущий) строит текст, он не задается вопросами, какие элементы морфологического и лексического уровня следует в тексте употребить, поскольку этими элементами он, как носитель языка, владеет совершенно свободно, даже в большинстве случаев и не зная морфологической теории своего языка; в действительности первое, что он делает, – это анализирует и идентифицирует коммуникативную ситуацию, которую он должен реализовать в данном конкретном случае, поместив в нее данный предмет своего высказывания, после чего элементы его текста на микроуровне сами собой выстраиваются в соответствующую структуру, продиктованную параметрами идентифицированной макроситуации. Для анализа языка Евангелий выход за пределы предложения означает, например, признание того, что как для греческого, так и для древнееврейского текстов существуют свои закономерности связывания предложений между собой, эти закономерности определяются строго *формально*, и именно в соответствии с ними создается структура текста как большого единства; таким образом, можно говорить об *аутентично греческих и не аутентично греческих принципах построения текста*, которые определяются, повторяю, строго формально и точно. Кроме того, говоря в этой связи о «папирусной» теме, следует отметить, что корреляции между папирусным и новозаветным материалом, которые со времен Deissmann'a обретаются на микросинтаксическом и лексическом уровне (что, заметим, создает благоприятные условия для натяжек и изображений желаемого в виде действительного), должны уступить место корреляциям больших структур, то есть текстуальности, – и там никакой связи папирусного материала с новозаветным вовсе не прослеживается.

III. На основании текстлингвистической модели описания языка Гаральда Вайнриха¹ немецким гебраистом Вольфгангом Шнайдером² около двадцати лет назад было создано *текстлингвистическое описание древнееврейского синтаксиса*, и с тех пор это описание совершенствуется в деталях и приобретает все больше сторонников. Главным результатом применения текстлингвистических методов для описания древнееврейского языка стала сле-

¹ Weinrich, H. *Tempus: Besprochene und erzählte Welt*. Stuttgart: Kohlhammer, 1964; 1977; он же, «Die Textpartitur als heuristische Methode» // *Textlinguistik*, ed. by W. Dressler. Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978. S. 391–412.

² Schneider, W. *Grammatik des Biblischen Hebräisch. Ein Lehrbuch*. München: Claudius Verlag, 1974 (1994).

дующая констатация: адекватное описание структуры древнееврейского текста возможно только в том случае, если к древнееврейскому тексту будет приложена *иная система параметров*, отличная от той, что принята в традиционной модели описания. Таким образом, речь идет о смене парадигмы описания древнееврейского языка и о новых параметрах текста, не замечаемых и не рассматриваемых в качестве значимых в традиционной древнееврейской грамматике.

Итак, в качестве лингвистических оснований новой модели описания языка Евангелий я указал на то, что 1) *лексический* критерий *конституирования языка* постепенно уступает первенство *синтаксическому* критерию; 2) в настоящий момент синтаксическому критерию при описании языка отводится должное место только в *текстлингвистике*, при этом текстлингвистический подход (европейская школа) предполагает *строго формальные и точные* методы анализа структуры текста, и, наконец, 3) новое текстлингвистическое описание *древнееврейского* синтаксиса видит *по-новому структуру древнееврейского текста* и вводит *ряд параметров*, не замечаемых традиционной грамматикой древнееврейского языка. Все вышесказанное лежит в основании предлагаемой мною *новой модели* описания языка Евангелий. Здесь, чтобы все причинно-следственные связи были прозрачны, понятны и, соответственно, открыты для возможного более пристального рассмотрения, я кратко изложу всю последовательность своих шагов, которые приведут в конце концов к уже обозначенным целям.

Мой первый шаг – попытка рассмотреть нарративный текст Септуагинты с точки зрения древнееврейской синтаксической парадигматики, предложенной теорией Шнайдера. Греческий текст Быт. 1–3 дает очевидные свидетельства того, что *древний переводчик понимал древнееврейский оригинал согласно положениям недавно открытого текстлингвистического синтаксиса*.

В Таблице 1 представлены схемы строения древнееврейского и греческого нарративов. В левой колонке дана иерархия, построенная А. Никкаччи¹, который опирался на положения древнееврейского текстлингвистического синтаксиса, без привлечения материала Септуагинты. В правой части таблицы приведен греческий текст, в котором с очевидностью прослеживаются структурные текстлингвистические корреляции с древнееврейским – *в случаях особых текстлингвистических позиций, греческий переводчик Быт. 1–3 дает специальные систематические маркеры, позволяющие констатировать текстлингвистическое восприятие древ-*

¹ *Niccacci, A. Analysis of Biblical Narrative. In: Biblical Hebrew and Discourse Linguistics, ed. by Robert D. Bergen. Summer Institute of Linguistics. 1994. P. 175–198.*

нееврейского текста. На схеме серым цветом отмечены случаи тех именных предложений, которые представляют собой особые синтаксические позиции в текстлингвистической иерархии. Именно эти именные предложения, образующие ступенчатость древнееврейского текста, отмечены в греческой передаче частицей ΔΕ.

Таблица 1
Текстлингвистическая иерархия Быт. 1, 1–3, 25

№	Vss.	MT	LXX
1.	Gen.1:1	בְּרֵאשִׁית בָּרָא אֱלֹהִים	Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεός
2.		וְהָאָרֶץ הָיְתָה	ἡ δὲ γῆ ἦν
3.	Gen.1:2	וְחָשְׁךָ עַל־פְּנֵי תְהוֹם	καὶ σκότος ἐπάνω θτς ἀβύσσου
4.		וְרוּחַ אֱלֹהִים מְרַחֶפֶת	καὶ πνεῦμα θεοῦ ἐπεφέρετο
5.	Gen.1:3	וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים	καὶ εἶπεν ὁ θεος
6.		וַיְהִי־אוֹר	καὶ ἐγένετο φῶς
7.	
8.	Gen.2:1	וַיְכַלּוּ הַשָּׁמַיִם וְהָאָרֶץ	Καὶ συνετελέσθησαν ὁ οὐρανός
9.	Gen.2:4	אֱלֹהֵי תוֹלְדוֹת	Αὕτη ἡ βίβλος γενέσεως οὐρ
10.		הַשָּׁמַיִם וְהָאָרֶץ	αυοῦ καὶ γῆς
11.	Gen.2:7	וַיִּצְרֶה יְהוָה אֱלֹהִים אֱתֵר־הָאָדָם	καὶ ἔπλασεν ὁ θεος τὸν ἄνθρωπον
12.		וַיַּפֵּחַ	καὶ ἐνεφύσησεν
13.		בְּנִיחַי הָאָדָם	καὶ ἐγένετο ὁ ἄνθρωπος
14.		וַיִּשַׁע יְהוָה אֱלֹהִים	Καὶ ἐφύτευσεν κύριος ὁ θεός
15.		וַיִּשֶׂם	καὶ ἔθετο
16.		וַיִּצְמַח יְהוָה אֱלֹהִים	καὶ ἐξανάτειλεν ὁ θεός
17.	Gen.2:10	וַיִּהְיֶה יַצָּא מֵעֵדֶן	ποταμὸς δὲ ἐκπορεύεται ἐξ
18.	Gen.2:11	שֵׁם הָאֶחָד פִּישׁוֹן	ὄνομα τῶ ἐνὶ Φισων
19.		הוּא הַסְּבָב	οὗτος ὁ κυκλῶν
20.	
21.	Gen.2:12	וְהָיָה הָאָרֶץ	τὸ δὲ χρυσίου τῆς γῆς
22.		הָהוּא טוֹב	ἐκείνης καλόν
23.	Gen.2:13	שֵׁם הַבְּדֵלֶחַ	καὶ ἐκεῖ ἐστὶν ὁ ἄνθραξ
24.		וְשֵׁם־הַנְּהָר הַשֵּׁנִי גִיחוֹן	καὶ ὄνομα τῶ ποταμῶ τῶ δευτέρῳ Γῆων
25.	Gen.2:14	הוּא הַסְּבָב	οὗτος ὁ κυκλῶν
26.		וְשֵׁם הַנְּהָר הַשְּׁלִישִׁי	καὶ ὁ ποταμὸς ὁ τρίτος Τίγρις
27.		הוּא הַבְּדֵלֶחַ	οὗτος ὁ πορευόμενος
		וְהַנְּהָר הַרְבִּיעִי הוּא	ὁ δὲ ποταμὸς ὁ τέταρτος, ου
		פָּרָת	ῥτος Εὐφράτης.

28.	Gen.2:15	וַיִּקַּח יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־הָאָדָם	Καὶ ἔλαβεν κύριος ὁ θεὸς τὸν ἄνθρωπον
29.		וַיַּנְחֵהוּ בְּגֵן	καὶ ἔθετο αὐτὸν ἐν τῷ παραδείσῳ
30.	Gen.2:16	וַיִּצַו יְהוָה אֱלֹהִים עַל־הָאָדָם	καὶ ἐνετείλατο κύριος ὁ θεὸς τῷ Ἀδὰμ
31.	
32.	Gen.2:18	וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים	Καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεὸς
33.	Gen.2:19	וַיִּצַר יְהוָה אֱלֹהִים	καὶ ἔπλασεν ὁ θεὸς
34.	Gen.2:20	וַיִּקְרָא הָאָדָם שְׁמוֹת	Καὶ ἐκάλεσεν Ἀδὰμ ὀνόματα
35.		וּלְאָדָם לֹא־מָצָא עֹזֶר	τῷ δὲ Ἀδὰμ οὐχ εὐρέθη βοηθὸς
36.	Gen.2:21	וַיִּפַּל יְהוָה אֱלֹהִים תַּרְדֵּמָה	καὶ ἐπέβαλεν ὁ θεὸς ἔκστασιν
37.	
38.	Gen.2:25	וַיְהִי שְׁנֵיהֶם עֶרְוִים	καὶ ἦσαν οἱ δύο γυμνοὶ
39.		וְלֹא יִתְבַּשְׂשׁוּ	καὶ οὐκ ἤσχύνοντο.
40.	Gen.3:1	וַתִּהְיֶה הָיָה עֶרְוִים	Ὁ δὲ ὄφεις ἦν φρονιμώτατος
41.		וַיֹּאמֶר אֱלֹהֵי שָׁמַיָא	καὶ εἶπεν ὁ ὄφεις τῇ γυναικί
42.	Gen.3:2	וַתֹּאמֶר הָאִשָּׁה	καὶ εἶπεν ἡ γυνή
43.	Gen.3:4	וַיֹּאמֶר הָקָדָשׁ	καὶ εἶπεν ὁ ὄφεις τῇ γυναικί
44.	Gen.3:6	וַתִּרְאֶה הָאִשָּׁה	καὶ εἶδεν ἡ γυνή
45.	
46.	Gen. 3:8	וַיִּשְׁמְעוּ אֶת־קוֹל יְהוָה	Καὶ ἤκουσαν τὴν φωνὴν κυρίου τοῦ θεοῦ
47.		וַיִּתְחַבְּאוּ הָאָדָם וְאִשְׁתּוֹ	καὶ ἐκρύβησαν ὁ τε Ἀδὰμ καὶ ἡ γυνή
48.	Gen.3:9	וַיִּקְרָא יְהוָה אֱלֹהִים	καὶ ἐκάλεσεν κύριος ὁ θεὸς
49.		וַיֹּאמֶר לוֹ	καὶ εἶπεν αὐτῷ
50.	Gen.3:10	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
51.	Gen.3:11	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
52.	Gen.3:12	וַיֹּאמֶר הָאָדָם	καὶ εἶπεν ὁ Ἀδὰμ
53.	Gen.3:13	וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים לְאִשָּׁה	καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεὸς τῇ γυναικί
54.	Gen.3:14	וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים אֶל־הָקָדָשׁ	καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεὸς τῷ ὄφει
55.	Gen.3:16	אֱלֹהֵי־הָאִשָּׁה אָמַר	καὶ τῇ γυναικί εἶπεν
56.	Gen.3:17	וּלְאָדָם אָמַר	τῷ δὲ Ἀδὰμ εἶπεν
57.	Gen.3:20	וַיִּקְרָא הָאָדָם שֵׁם	καὶ ἐκάλεσεν Ἀδὰμ τὸ ὄνομα
58.	Gen.3:21	וַיַּעַשׂ יְהוָה אֱלֹהִים	Καὶ ἐποίησεν κύριος ὁ θεὸς
59.	Gen.3:22	וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים	καὶ εἶπεν ὁ θεὸς
60.	Gen.3:23	וַיִּשְׁלַחֵהוּ יְהוָה אֱלֹהִים	καὶ ἐξαπέστειλεν αὐτὸν κύριος ὁ θεὸς
61.	Gen.3:24	וַיִּנְרַשׂ אֶת־הָאָדָם	καὶ ἐξέβαλεν τὸν Ἀδὰμ
62.		וַיִּשְׁכַּן	καὶ ἔταξεν

То же следует сказать и в отношении других рассмотренных техник перевода (см. таблицы ниже).

Таблица 2
Текстлингвистическая иерархия Исх. 1, 1–22

Ex. 1:1	1	וַאֲלֵה שְׁמוֹת	Τὰυτὰ τὰ ὀνόματα...
Ex. 1:6	2	וַיְמַת יוֹסֵף	ἔτελεύτησεν δὲ Ἰωσήφ
Ex. 1:7	3	וּבְנֵי יִשְׂרָאֵל פָּרוּ	οἱ δὲ υἱοὶ Ἰσραὴλ ἠϋξήθησαν
	4	וַיִּשְׂרְצוּ	καὶ ἐπληθύνθησαν
	5	וַיִּרְבוּ	καὶ χυδαῖοι ἐγένοντο
	6	וַיַּעֲצְמוּ בְּמֵאֵד מֵאֵד	καὶ κατίσχυον σφόδρα σφόδρα,
	7	וַתִּבְלֵא הָאָרֶץ אֹתָם	ἐπλήθυνεν δὲ ἡ γῆ αὐτοῦς.
Ex. 1:8	8	וַיִּקָּם מֶלֶךְ־חֹדֶשׁ	Ἄνεστη δὲ βασιλεὺς ἕτερος
Ex. 1:9	9	וַיֹּאמֶר אֶל־עַמּוֹ	εἶπεν δὲ τῷ ἔθνει
Ex. 1:11	10	וַיִּשְׂמוּ עָלָיו שְׁרֵי מִסִּים	καὶ ἐπέστησεν αὐτοῖς ἐπιστάτας
	11	וַיִּבְנֶן	καὶ ὤκοδομησαν
Ex. 1:12	12	וַיִּקְצֹו	καὶ ἐβδελύσσοντο οἱ Αἰγύπτιοι
Ex. 1:13	13	וַיַּעֲבְדוּ מִצְרַיִם	καὶ κατεδυνάστευον οἱ Αἰγύπτιοι
Ex. 1:14	14	וַיִּמְרְרוּ	καὶ κατωδύνων
Ex. 1:15	15	וַיֹּאמֶר מֶלֶךְ־לְמִלְחָת	Καὶ εἶπεν ὁ βασιλεὺς ταῖς
			μαίαις
Ex. 1:16	16	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
Ex. 1:17	17	וַתִּירָאֵן הַמִּלְחָת	ἐφοβήθησαν δὲ αἱ μαῖαι
	18	וְלֹא עָשׂוּ	καὶ οὐκ ἐποίησαν
	19	וַתַּחֲזִינן אֶת־הַיְלָדִים	καὶ ἐζωογόουν τὰ ἄρσενα.
Ex. 1:18	20	וַיִּקְרָא מֶלֶךְ־מִצְרַיִם	ἐκάλεσεν δὲ ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου
	21	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
Ex. 1:19	22	וַתֹּאמְרֵן הַמִּלְחָת	εἶπαν δὲ αἱ μαῖαι
Ex. 1:20	23	וַיִּשָׁב אֱלֹהִים לְמִלְחָת	εὖ δὲ ἐποίει ὁ θεὸς ταῖς μαίαις
	24	וַיִּרֶב הָעָם	καὶ ἐπλήθυνεν ὁ λαὸς
	25	וַיַּעֲצְמוּ מֵאֵד	καὶ ἴσχυεν σφόδρα.
Ex. 1:22	26	וַיִּצַו פַּרְעֹה	συνέταξεν δὲ Φαραὼ

Таблица 3
Текстлингвистическая иерархия 4 Цар. 9, 1–29

4Цар.9:1	1	וַאֲלֵישַׁע הַנְּבִיאַ קָרָא	Καὶ Ἐλισαεὶ ὁ προφήτης ἐκάλεσεν
	2	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
4Цар.9:4	3	וַיִּלְךְ הַנַּעַר הַנַּעַר הַנְּבִיאַ	καὶ ἐπορεύθη τὸ παιδάριον ὁ
			προφήτης
4Цар.9:5	4	וַיָּבֵא	καὶ εἰσήλθεν
	5	וַהֲנִיחַ שָׁרֵי הַחֵיל יֹשְׁבִים	καὶ ἰδοὺ οἱ ἄρχοντες τῆς
			δυνάμεως ἐκάθητο
	6	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν

	7	וַיֹּאמֶר יְהוָה	καὶ εἶπεν Ιου
	8	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
4 Цар.9:6	9	נִקְם	καὶ ἀνέστη
	10	וַיָּבֵא הַבַּיְתָה	καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν οἶκον,
	11	וַיִּצַק הַשֶּׁמֶן	καὶ ἐπέχεεν τὸ ἔλαιον
	12	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
4 Цар.9:10	13	וַיַּפְתַּח הַדְּלָת	καὶ ἤνοιξεν τὴν θύραν
	14	וַיָּנֶס	καὶ ἔφυγεν
4 Цар.9:11	15	אֲדֹנָיו וַיְהוּא יָצָא אֶל-עַבְדָּיו	καὶ Ιου ἐξῆλθεν πρὸς τοὺς παῖδας τοῦ κυρίου αὐτοῦ
	16	וַיֹּאמֶר לוֹ	καὶ εἶπον αὐτῷ
	17	וַיֹּאמֶר אֲלֵיהֶם	καὶ εἶπεν αὐτοῖς
4 Цар.9:12	18	וַיֹּאמְרוּ	καὶ εἶπον
	19	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν Ιου πρὸς αὐτούς
4 Цар.9:13	20	וַיִּמְהָרוּ	καὶ ἀκούσαντες ἔσπευσαν
	21	וַיִּקְחוּ אִישׁ בְּגָדוֹ	καὶ ἔλαβον ἕκαστος τὸ ἱμάτιον αὐτοῦ
	22	וַיִּשְׂמוּ	καὶ ἔθηκαν
	23	וַיַּתְקֵעוּ בַשּׁוֹפָר וַיֹּאמְרוּ	καὶ ἐσάλπισαν ἐν κερατίνῃ καὶ εἶπον
4 Цар.9:14	24	וַיַּתְקֹשֶׁר יְהוָה	καὶ συνεστράφη Ιου
	25	וַיּוֹרֵם הָיָה שֹׁמֵר	καὶ Ιωραμ αὐτὸς ἐφύλασσειν
4 Цар.9:15	26	וַיָּשָׁב וַיּוֹרֵם הַמֶּלֶךְ	καὶ ἀπέστρεψεν Ιωραμ ὁ βασιλεὺς
	27	וַיֹּאמֶר יְהוָה	καὶ εἶπεν Ιου
4 Цар.9:16	28	וַיִּרְכַּב יְהוָה וַיֵּלֶךְ	καὶ ἵππευσεν καὶ ἐπορεύθη Ιου
	29	וַאֲחֻזָּיָה מֶלֶךְ יְהוּדָה יָבֵד	καὶ Οχοζίας βασιλεὺς Ιουδα κατέβη
4 Цар.9:17	30	וַהֲצִפָּה עִמּוֹ	καὶ ὁ σκοπὸς ἀνέβη
	31	וַיֵּרָא	καὶ εἶδεν
	32	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
	33	וַיֹּאמֶר וַיּוֹרֵם	καὶ εἶπεν Ιωραμ
4 Цар.9:18	34	וַיֵּלֶךְ רֶכֶב הַסּוּס	καὶ ἐπορεύθη ἐπιβάτης ἵππου
	35	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
	36	וַיֹּאמֶר יְהוָה	καὶ εἶπεν Ιου
	37	וַיִּגְד הַצִּפָּה	καὶ ἀπήγγειλεν ὁ σκοπὸς
4 Цар.9:19	38	וַיִּשְׁלַח רֶכֶב סוּס	καὶ ἀπέστειλεν ἐπιβάτην ἵππου
	39	וַיָּבֵא אֲלֵיהֶם וַיֹּאמֶר	καὶ ἦλθεν πρὸς αὐτὸν καὶ εἶπεν
	40	וַיֹּאמֶר יְהוָה	καὶ εἶπεν Ιου
4 Цар.9:20	41	וַיִּגְד הַצִּפָּה	καὶ ἀπήγγειλεν ὁ σκοπὸς
4 Цар.9:21	42	וַיֹּאמֶר וַיּוֹרֵם	καὶ εἶπεν Ιωραμ
	43	וַיִּאָסֶר	καὶ ἔζευξεν
	44	מֶלֶךְ-יִשְׂרָאֵל וַאֲחֻזָּיָה	καὶ ἐξῆλθεν Ιωραμ βασιλεὺς Ισραηλ καὶ Οχοζίας
		וַיָּצֵא וַיּוֹרֵם	

	45	וַיָּבֹאוּ	καὶ ἐξῆλθον
	46	וַיִּמְצְאוּהוּ	καὶ εὗρον
4 Цар.9:22	47	וַיְהִי כַּרְאֹת יְהוֹרָם	καὶ ἐγένετο ὡς εἶδεν Ἰωραμ
	48	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
	49	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν Ἰου
4 Цар.9:23	50	וַיִּתְּכַף יְהוֹרָם	καὶ ἐπέστρεψεν Ἰωραμ
	51	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
4 Цар.9:24	52	וַיְהוּא מָלַא יָדָיו	καὶ ἐπλησεν Ἰου τὴν χεῖρα αὐτοῦ
	53	וַיִּךְ אֶת־יְהוֹרָם	καὶ ἐπάταξεν τὸν Ἰωραμ
	54	וַיִּצֵא חֶצְצִי	καὶ ἐξῆλθεν τὸ βέλος
	55	וַיִּכְרַע	καὶ ἔκαμψεν
4 Цар.9:25	56	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν Ἰου
4 Цар.9:27	57	וַאֲחֻזִּיָּה מֶלֶךְ־יְהוּדָה	καὶ Οχοζίας βασιλεὺς Ἰουδα
		רָאָה	εἶδεν
	58	וַיָּסָס	καὶ ἔφυγεν
	59	וַיַּרְדֵּף אַחֲרָיו יְהוּא	καὶ ἐδίωξεν ὀπίσω αὐτοῦ Ἰου
	60	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
	61	גַּם־אֶתֹּו הִכָּהוּ אֶל־הַמֶּרְכָּבָה	καὶ ἐπάταξεν αὐτὸν ἐν τῷ ἄρματι
	62	בְּמַעְלֵה־נֹּר	ἐν τῷ ἀναβαίνειν Γαι
	63	אֲשֶׁר אֶת־יִבְלָעָם	ἢ ἔστιν Ἰεβλααμ
	64	וַיָּסָס מִגְדּוֹ וַיָּמָת שָׁם	καὶ ἔφυγεν εἰς Μαγεδδων
			καὶ ἀπέθανεν ἐκεῖ.
4 Цар.9:28	65	וַיִּרְכְּבוּ אֹתוֹ עֲבָדָיו	καὶ ἐπεβίβασαν αὐτὸν οἱ παῖδες αὐτοῦ
	66	וַיִּקְבְּרוּ	καὶ ἔθαψαν
4 Цар.9:29	67	וּבִשְׁנַת מֶלֶךְ אַחֲזִיָּה	καὶ ἐν ἔτει ἐνδεκάτῳ ἐβασίλευσεν Οχοζίας

Как видно, все переводчики следуют жестким правилам построения своего грекоподобного текста. И в случае Исх. 1, и в случае 4 Цар. 9 можно констатировать те же принципы передачи еврейского оригинала, что и в Быт. 1–3 (функционирование оппозиции именные-глагольные предложения, еврейский *Waw*, переданный через *КАИ/ДЕ*, древнееврейский порядок слов, специфические конструкции типа *КАИ ΕΓΕΝΕΤΟ* и т. п.) с отличием лишь в том, что греческая оппозиция *КАИ/ДЕ* используется не так, как в случае Книги Бытия: переводчик Исх. 1 стремится к большей «эллинизации» своего текста посредством варьирования *КАИ-ДЕ* (такое разнообразие более свойственно исконному греческому тексту), переводчик же 4 Цар. 9 вообще не использует частицы *ДЕ* в своем переводе (это еще больший стилистический нонсенс на греческий вкус, чем техника Быт. 1–3). Однако все переводчики едины в том, что у каждого в переведенном тексте непременно присутствует знак

для еврейского Waw – либо KA1, либо DE. Это значит, что Waw как непереносимый участник древнееврейских синтаксических маркеров присутствует везде в грекоподобном тексте. Благодаря тому, что и еврейский порядок слов, и весь набор значимых (еврейски значимых) элементов в тексте Септуагинты сохраняется, как следствие, *«грекоподобный» текст Септуагинты имеет по преимуществу древнееврейское синтаксическое строение, отличное от структуры любого аутентично греческого текста.* Как видно, от переводчика к переводчику текст может быть более или менее стилизован под исконно греческий в некоторых деталях, но это не затрагивает целостности синтаксической системы, которая остается единой негреческой. Так, независимо от большей или меньшей степени эллинизации, любой из приведенных текстов есть синтаксический и, соответственно, стилистический нонсенс с точки зрения классических греческих понятий о стиле и правильности литературного языка. Зато, с точки зрения древнееврейской, текст Септуагинты есть *функция самого древнееврейского текста*, в котором присутствует правильность и системность оригинала, потеснившие греческую текстуальность. Поскольку в грекоподобном тексте «работает» древнееврейская синтаксическая парадигматика и ввиду системности ее отражения и отличия от любой исконно греческой нормы, *в тексте LXX следует констатировать особую структуру, отличную от любой аутентично греческой.* Факт структуры языка Септуагинты, ставший возможным при приложении текстлингвистической модели, изменяет модель описания этого языка и всю систему подходов к определению его выразительных особенностей: модель описания языка Септуагинты должна стать гораздо «более древнееврейской», получив систематическое основание в древнееврейском текстлингвистическом синтаксисе, который с отчетливостью констатирует, *что следует искать в грекоподобном тексте, а выразительные средства должны быть прежде всего помещены в контекст древнееврейской текстуальности и «исчислены» в древнееврейской системе синтаксических и, соответственно, стилистических координат (значение эллинических критериев, согласно которым в тексте Септуагинты можно найти только законченное литературное варварство, следует практически свести на нет)*¹.

¹ При таком подходе к тексту Септуагинты сравнение последнего с Масоретским текстом дает неожиданные результаты. В некоторых синтаксических ситуациях *текст Септуагинты сохраняет правильный древнееврейский синтаксис, в отличие от масоретского текста*, который иногда (впрочем, редко) его нарушает, что объясняется процессом «арамеизирующего» и «морфологизирующего» прочтения древнееврейского текста в арамеоязычной традиции. В таком случае текст Септуагинты, воспринимаемый как функция древнееврейского оригинала, своего рода подстрочник, дает еще одну возможность воссоздать правильный образ *Vorlage*, будучи зачастую «более древнееврейской», чем сам масоретский текст.

Именно тот факт, что в нарративном тексте Септуагинты представлена оригинальная негреческая синтаксическая система (и что это именно система, а не набор совпадений, появившихся в результате «рабского копирования»), – именно этот факт имеет главное значение для анализа лингвистической структуры Евангельских текстов, ибо в них *функционирует та же синтаксическая парадигматика, что и в текстах корпуса Септуагинты*. Эта связь устанавливается в виде прямых систематических корреляций на уровне синтаксиса.

В Таблице 4 приведены результаты рассмотрения текста первой главы Евангелия от Марка.

Таблица 4
Текстлингвистическая иерархия Mk. 1, 1-45
(ср. Таблица 1)

Vs	№	Синтаксическая схема	Иерархия текста
Mk 1:1	1.	<i>Verbless</i>	Ἄρχῃ τοῦ εὐαγγελίου Ἰησοῦ Χριστοῦ [υἱοῦ θεοῦ].
Mk 1:2 Mk 1:4	2.	(καθώς-clause) <i>-Aorist-Suexpl</i>	Καθὼς γέγραπται... ἐγένετο Ἰωάννης [ὁ] βαπτίζων... καὶ κηρῦσ- των βάπτισμα...
Mk 1:5	3.	KAI- <i>Imperfect-Suexpl</i>	καὶ ἐξεπορεύετο πρὸς αὐτὸν πᾶσα ἡ Ἰουδαία χώρα καὶ οἱ Ἱεροσολυμίται πάντες,
Mk 1:6	4.	KAI- <i>Imperfect-0</i>	καὶ ἐβαπτίζοντο...
Mk 1:6	5.	KAI- <i>Imperfect-Suexpl</i>	καὶ ἦν ὁ Ἰωάννης ἐνδεδυμένος τρίχας καμήλου... καὶ ἐσθίων ἀκρίδας...
Mk 1:7	6.	KAI- <i>Imperfect-0</i>	Καὶ ἐκήρυσσεν λέγων...
Mk 1:9	7.	KAI-ἐγενετο- <i>TimeR- Aorist-Suexpl</i>	Καὶ ἐγένετο ἐν ἐκείναις ταῖς ἡμέραις ἦλθεν Ἰησοῦς...
Mk 1:10	8.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ ἐβαπτίσθη
Mk 1:10	9.	KAI-ΕΥΘΥΣ <i>-Aorist-0</i>	καὶ εὐθύς ἀναβαίνων ἐκ τοῦ ὕδατος εἶδεν...
Mk 1:11	10.	KAI- <i>SUexpl-Aorist</i>	καὶ <u>φωνῆ ἐγένετο</u>
Mk 1:12	11.	KAI-ΕΥΘΥΣ- <i>Suexpl-Aorist</i>	Καὶ εὐθύς τὸ πνεῦμα αὐτὸν ἐκβάλλει εἰς τὴν ἔρημον
Mk 1:13	12.	KAI- <i>Imperfect-0</i>	καὶ ἦν ἐν τῇ ἐρήμῳ πειραζόμενος...
Mk 1:13	13.	KAI- <i>Imperfect-0</i>	καὶ ἦν μετὰ τῶν θηρίων...

	14.	KAI- <i>SUexpl-Aorist</i>	καὶ οἱ ἄγγελοι διηκόνουν αὐτῷ
Μκ 1:14	15.	ΔΕ- <i>TimeR</i> – <i>Aorist-Suexpl</i>	Μετὰ δὲ το παραδοθῆναι τὸν Ἰωάννην ἦλθεν ὁ Ἰησοῦς... κηρύσσων τὸ εὐαγγέλιον τοῦ θεοῦ Καὶ παράγων παρὰ τὴν θάλασσαν τῆς Γαλιλαίας εἶδεν...
Μκ 1:16	16.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ εἶπεν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς καὶ εὐθὺς ἀφέντες τὰ δίκτυα ἠκολούθησαν αὐτῷ
Μκ 1:17	17.	KAI- <i>Aorist-SUexpl</i>	Καὶ προβάς ὀλίγον εἶδεν...
Μκ 1:18	18.	KAI-ΕΥΘΥΣ- <i>-Aorist-0</i>	καὶ εὐθὺς ἐκάλεσεν αὐτούς.
Μκ 1:19	19.	KAI- <i>Aorist-0</i>	
Μκ 1:20	20.	KAI-ΕΥΘΥΣ- <i>-Aorist-0</i>	καὶ ἀφέντες τὸν πατέρα... ἀπῆλθον ὀπίσω αὐτοῦ
	21.	KAI- <i>Aorist-0</i>	
Μκ 1:21	22.	KAI- <i>PresensHist-0</i>	Καὶ εἰσπορεύονται εἰς Καφαρναοῦμ
	23.	KAI-ΕΥΘΥΣ- <i>-X-Aorist-0</i>	καὶ εὐθὺς τοῖς σάββασιν εἰσελθὼν εἰς τὴν συναγωγὴν ἐδίδασκεν
Μκ 1:22	24.	KAI- <i>Imperfect-0</i>	καὶ ἐξεπλήσσοντο ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ...
Μκ 1:23	25.	KAI-ΕΥΘΥΣ- <i>-Imperfect-SUexpl</i>	Καὶ εὐθὺς ἦν ἐν τῇ συναγωγῇ αὐτῶν ἄνθρωπος ἐν πνεύματι ἀκαθάρτῳ
Μκ 1:24	26.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ ἀνέκραξεν λέγων...
Μκ 1:25	27.	KAI- <i>Aorist-SUexpl</i>	καὶ ἐπετίμησεν αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς λέγων...
Μκ 1:26	28.	KAI- <i>Aorist-SUexpl</i>	καὶ σπαράξαν αὐτὸν τὸ πνεῦμα... καὶ φωνήσαν... ἐξῆλθεν ἐξ αὐτοῦ
Μκ 1:27	29.	KAI- <i>Aorist-SUexpl</i>	καὶ ἐθαμβήθησαν ἅπαντες
Μκ 1:28	30.	KAI- <i>Aorist-SUexpl</i>	καὶ ἐξῆλθεν ἡ ἀκοή
Μκ 1:29	31.	KAI-ΕΥΘΥΣ- <i>-X-Aorist-0</i>	Καὶ εὐθὺς ἐκ τῆς συναγωγῆς ἐξελθόντες ἦλθον εἰς τὴν οἰκίαν Σίμωνος
Μκ 1:30	32.	ΔΕ- <i>SUexpl</i> – <i>Imperfect</i>	ἡ δὲ πειθερὰ Σίμωνος κατέκειτο πυρέσσουσα
	33.	KAI-ΕΥΘΥΣ- <i>-PresensHist-0</i>	καὶ εὐθὺς λέγουσιν αὐτῷ περὶ αὐτῆς.
Μκ 1:31	34.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ προσελθὼν ἤγειρεν αὐτήν...
	35.	KAI- <i>Aorist-SUexpl</i>	καὶ ἀφήκεν αὐτήν ὁ πυρετός,
Μκ 1:32	36.	ΔΕ- <i>SUexpl-Aorist</i>	Ἐφίας δὲ γενομένης,
	37.	<i>Imperfect-0</i> (Impers.)	ἔφερον πρὸς αὐτὸν πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας
Μκ 1:33	38.	KAI- <i>VerbalForm- Suexpl</i>	καὶ ἦν ὅλη ἡ πόλις ἐπισυναγμένη πρὸς τὴν θύραν
Μκ 1:34	39.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ ἐθεράπευσεν πολλοὺς κακῶς ἔχοντας...

	40.	KAI- <i>X-Aorist</i>	καὶ δαιμόνια πολλὰ ἐξέβαλεν
	41.	KAI-ΟΥΚ- <i>Imperfect-0</i>	καὶ οὐκ ἤφιεν λαλεῖν τὰ δαιμόνια
Мк 1:35	42.	KAI- <i>TimeR</i> - <i>Aorist-0</i>	Καὶ πρῶτῃ ἔνι νυχθὰ λίαν ἀναστὰς ἐξῆλθεν
	43.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ ἀπῆλθεν εἰς ἔρημον τόπον
	44.	KAI- <i>PlaceR</i> - <i>Imperfect-0</i>	κακεῖ προσήχετο
Мк 1:36	45.	KAI- <i>Aorist-SUexpl</i>	καὶ κατεδίωκεν αὐτὸν Σίμων καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ
Мк 1:37	46.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ εὔρον αὐτὸν
	47.	KAI- <i>PresensHist-0</i>	καὶ λέγουσιν αὐτῷ...
Мк 1:38	48.	KAI- <i>PresensHist-0</i>	καὶ λέγει αὐτοῖς...
Мк 1:39	49.	KAI- <i>Aorist-0</i>	Καὶ ἦλθεν κηρύσσων εἰς τὰς συναγωγὰς...
Мк 1:40	50.	KAI- <i>PresensHist</i> - <i>Suexpl</i>	Καὶ ἔρχεται πρὸς αὐτὸν λεπρὸς...
Мк 1:41	51.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ σπλαγχισθεὶς ἐκτείνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἤψατο
	52.	KAI- <i>PresensHist-0</i>	καὶ λέγει αὐτῷ.
Мк 1:42	53.	KAI-ΕΥΘΥΣ- - <i>Aorist-Suexpl</i>	καὶ εὐθύς ἀπῆλθεν ἀπ' αὐτοῦ ἡ λέπρα
	54.	KAI- <i>Aorist-0</i>	καὶ ἐκαθαρίσθη
Мк 1:43	55.	KAI-ΕΥΘΥΣ- - <i>Aorist-0</i>	καὶ ἐμβριμησάμενος αὐτῷ εὐθύς ἐξέβαλεν αὐτὸν
Мк 1:44	56.	KAI- <i>PresensHist-0</i>	καὶ λέγει αὐτῷ.
Мк 1:45	57.	ΔΕ- <i>Suexpl-Aorist</i>	ὁ δὲ ἐξελθὼν ἤρξατο κηρύσσειν πολλὰ
	58.	KAI- <i>Imperfect-0</i> (Impers.)	καὶ ἤρχοντο πρὸς αὐτὸν πάντοθεν

Как видно, автор второго Евангелия создает нарративный текст, используя систему древнееврейских (=LXX) синтаксических оппозиций; язык его нарратива имеет ту же структуру, что и язык Септуагинты; элементы этой структуры «работают» систематически и правильно, если исчисляются в древнееврейской системе синтаксических координат. С точки зрения синтаксических корреляций особо интересен № 32 (Мк. 1, 30) и № 36 (Мк. 1, 32). Мк. 1, 30 – первый эпизод употребления именного предложения в цепочке глагольных предложений на главной линии повествования. Именно здесь предшествующее монотонное KAI...KAI... KAI сменяется частицей ΔΕ, причем в этом предложении явно присутствует информация заднего плана, вспомогательная для развития главной линии повествования («Теща же Симона была больна...»). Затем опять следует ряд KAI, и снова появление имен-

ного предложения после ряда глагольных с КАІ непременно коррелирует с употреблением частицы ΔΕ (Мк. 1, 32). В общей сложности в 95 случаев из 100 в именных предложениях у Мк. имеет место частица ΔΕ. Таким образом, по отношению к именным предложениям – основному средству создания синтаксических оппозиций в наррации – автор Мк. ведет себя приблизительно так же, как переводчик Быт. 1–3: в обоих случаях наблюдается правильная корреляция употреблений частицы ΔΕ с именными предложениями. В отношении остальных особенностей построения текста Мк. столь же правилен и систематичен. При этом указанные особенности совершенно чужды аутентично греческому тексту и попросту в нем невозможны. Это означает, что видимые особенности языка Марка не являются внешним подражанием стилю Септуагинты и не являются принадлежностью аутентично греческой нормы (напр., койнэ), а организуются в *особую* структуру и составляют *обособленную* систему с регулярными принципами внутреннего строения, заданными Септуагинтой.

Рассмотрение текстов Евангелия Луки и Апокалипсиса дает те же результаты (см. таблицы ниже).

Таблица 5. Текстлингвистическая иерархия
Лк. 1, 5–56 (ср. Таблица 2)

Vs	№	Синтаксическая схема	Иерархия текста
Лк.1:5	1.	<i>VerbalForm- TimeR-Suexpl</i>	Ἐγένετο ἐν ταῖς ἡμέραις Ἡρω- ῶδου βασιλέως... ἱερεὺς τις ὀνόματι Ζαχαρίας... καὶ γυνὴ αὐτῶ
Лк.1:6	2.	<i>ΔΕ-VerbalForm-0</i>	ἦσαν δὲ δίκαιοι
Лк.1:7	3.	<i>ΟὐΚ-VerbalForm -Suexpl</i>	καὶ οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον
Лк.1:7	4.	<i>КАΙ-SUexp- VerbalForm</i>	καὶ ἀμφότεροι προβεβηκότες ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῶν ἦσαν
Лк.1:8	5.	<i>ΔΕ-EGENETO- TimeR- VerbalForm-0</i>	Ἐγένετο δὲ ἐν τῷ ἱερατεύειν αὐτὸν... ἔλαχε τοῦ θυμιάσαι εἰσελθὼν εἰ τὸν ναὸν τοῦ κυρίου,
Лк.1:10	6.	<i>КАΙ-SUexp- VerbalForm</i>	καὶ πᾶν τὸ πλῆθος ἦν τοῦ λαοῦ προσευχόμενον ἔω
Лк.1:11	7.	<i>ΔΕ-VerbalForm- Suexpl</i>	ᾤφθη δὲ αὐτῷ ἄγγελος κυρίου ἔστῶς
Лк.1:12	8.	<i>КАΙ-VerbalForm- Suexpl</i>	καὶ ἐταράχθη Ζαχαρίας ἰδὼν
Лк.1:12	9.	<i>КАΙ-SUexp- VerbalForm</i>	καὶ φόβος ἐπέπεσεν ἐπ' αὐτόν

Λκ.1:13	10.	<i>ΔΕ -VerbalForm-Suexpl</i>	εἶπεν δὲ πρὸς αὐτὸν ὁ ἄγγελος
Λκ.1:18	11.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-Suexpl</i>	καὶ εἶπεν Ζαχαρίας πρὸς τὸν ἄγγελον
Λκ.1:19	12.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-Suexpl</i>	καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἄγγελος εἶπεν αὐτῷ
Λκ.1:21	13.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-Suexpl</i>	Καὶ ἦν ὁ λαὸς προσδοκῶν τὸν Ζαχαρίαν
Λκ.1:21	14.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-0</i>	καὶ ἐθαύμαζον ἐν τῷ χρονίζειν ἐν τῷ ναῷ αὐτόν
Λκ.1:22	15.	<i>ΔΕ-VerbalForm-0</i>	ἐξελθὼν δὲ οὐκ ἐδύνατο λαλῆσαι αὐτοῖς
Λκ.1:22	16.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-0</i>	καὶ ἐπέγνωσαν
Λκ.1:22	17.	<i>ΚΑΙ-SUexp-VerbalForm</i>	καὶ αὐτὸς ἦν διανεύων αὐτοῖς
Λκ.1:22	18.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-0</i>	καὶ διέμενεν κωφός
Λκ.1:23	19.	<i>ΚΑΙ-EGENETO-TimeR-VerbalForm-0</i>	καὶ ἐγένετο ὡς ἐπλήσθησαν αἱ ἡμέραι τῆς λειτουργίας αὐτοῦ ἀπῆλθεν
Λκ.1:23	20.		
Λκ.1:24	21.	<i>ΔΕ-TimeR-VerbalForm-Suexpl</i>	Μετὰ δὲ ταύτας τὰς ἡμέρας συνέλαβεν Ἐλισάβετ ἡ γυνὴ αὐτοῦ
Λκ.1:24	22.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-0</i>	καὶ περιέκρυβεν ἑαυτὴν μῆναί πέντε λέγουσα
Λκ.1:26	23.	<i>ΔΕ-TimeR-VerbalForm-Suexpl</i>	Ἐν δὲ τῷ μηνὶ τῷ ἕκτῳ ἀπεστάλη ὁ ἄγγελος Γαβριὴλ ἀπὸ τοῦ θεοῦ εἰς πόλιν τῆς Γαλιλαίας ἣ ὄνομα Ναζαρέθ
Λκ.1:28	24.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-0</i>	καὶ εἰσελθὼν πρὸς αὐτὴν εἶπεν
Λκ.1:29	25.	<i>ΔΕ-Suexp-VerbalForm</i>	ἡ δὲ ἐπὶ τῷ λόγῳ διεταράχθη
Λκ.1:29	26.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-0</i>	καὶ διελογίζετο
Λκ.1:30	27.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-Suexpl</i>	καὶ εἶπεν ὁ ἄγγελος
Λκ.1:34	28.	<i>ΔΕ-VerbalForm-Suexpl</i>	εἶπεν δὲ Μαριάμ
Λκ.1:35	29.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-Suexpl</i>	καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἄγγελος εἶπεν αὐτῇ
Λκ.1:38	30.	<i>ΔΕ-VerbalForm-Suexpl</i>	εἶπεν δὲ Μαριάμ
Λκ.1:38	31.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-Suexpl</i>	καὶ ἀπῆλθεν ἀπὸ αὐτῆς ὁ ἄγγελος.
Λκ.1:39	32.	<i>ΔΕ-VerbalForm-Suexpl</i>	Ἄναστασα δὲ Μαριάμ ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις ἐπορεύθη
Λκ.1:40	33.	<i>ΚΑΙ-VerbalForm-0</i>	καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν οἶκον Ζαχαρίου

Лк.1:40	34.	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἠσπάσατο τὴν Ἑλισάβετ
Лк.1:41	35.	KAI-EGENETO- TimeR-	καὶ ἐγένετο ὡς ἤκουσεν τὸν
Лк.1:41	36.	(KAI)-VerbalForm- Suexpl	ἀσπασμὸν τῆς Μαρίας ἡ Ἑλισάβετ
Лк.1:41	37.	KAI-VerbalForm- Suexpl	ἐσκίρτησεν τὸ βρέφος...
Лк.1:42	38.	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἐπλήσθη πνεύματος ἁγίου ἡ
Лк.1:42	39.	KAI-VerbalForm-0	Ελισάβετ
Лк.1:46	40.	KAI-VerbalForm- Suexpl	καὶ ἀνεφώνησεν...
Лк.1:56	41.	ΔΕ-VerbalForm- Suexpl	καὶ εἶπεν
Лк.1:56	42.	KAI-VerbalForm-0	Καὶ εἶπεν Μαριάμ...
			Εμμεῖνεν δὲ Μαριάμ σὺν αὐτῇ...
			καὶ ὑπέστρεψεν

Таблица 6. Текстлингвистическая иерархия
Откр. 8, 1–11 (ср. Таблица 3)

Vts	№№	Синтаксическая схема	Иерархия текста
Откр. 8:1	1.	KAI-TimeR- VerbalForm-Suexpl	Καὶ ὅταν... ἐγένετο σιγὴ ἐν τῷ οὐρανῷ ὡς ἡμῶριον
Откр. 8:2	2.	KAI-VerbalForm(1)	Καὶ εἶδον τοῦ? ἐπτὰ ἄγγελους
	3.	KAI-VerbalForm- Suexpl	καὶ ἐδόθησαν αὐτοῖς ἐπτὰ σάλπιγγες.
Откр. 8:3	4.	KAI-SUexp- VerbalForm	Καὶ ἄλλος ἄγγελος ἦλθεν
	5.	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἐστάθη ἐπὶ τοῦ θυσιαστηρίου
	6.	KAI-VerbalForm- Suexpl	καὶ ἐδόθη αὐτῷ θυμιάματα πολλά,
Откр. 8:4	7.	KAI-VerbalForm- Suexpl	καὶ ἀνέβη ὁ καπνὸς τῶν θυμιαμάτων...
Откр. 8:5	8.	KAI-VerbalForm- Suexpl	καὶ εἶληφεν ὁ ἄγγελος τὸν λιβανωτὸν
	9.	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἐγέμισεν αὐτὸν ἐκ τοῦ πυρὸς τοῦ θυσιαστηρίου
	10.	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἔβαλεν εἰς τὴν γῆν
	11.	KAI-VerbalForm- Suexpl	καὶ ἐγένοντο βρονταὶ καὶ φωναὶ καὶ ἀστραπαὶ καὶ σεισμός
Откр. 8:6	12.	KAI-SUexp- VerbalForm	Καὶ οἱ ἐπτὰ ἄγγελοι οἱ ἔχοντες τὰς ἐπτὰ σάλπιγγας ἠτοίμασαν αὐτοὺς...
Откр. 8:7	13.	KAI-SUexp- VerbalForm	Καὶ ὁ πρῶτος ἐσάλπισεν

	14.	KAI-VerbalForm-Suexpl	καὶ ἐγένετο χάλαζα καὶ πῦρ μεμιγμένα ἐν αἵματι
	15.	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἐβλήθη εἰς τὴν γῆν
	16.	KAI-SUexpl-VerbalForm	καὶ τὸ τρίτον τῆς γῆς κατεκάη
	17.	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ τὸ τρίτον τῶν δένδρων κατεκάη
	18.	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ πα"ς χόρτος χλωρὸς κατεκάη.
Откр. 8:8	19.	KAI-SUexp-VerbalForm	Καὶ ὁ δεῦτερος ἄγγελος ἐσάλπισεν
	20.	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ ὡς ὄρος μέγα πυρὶ καιόμενον ἐβλήθη εἰς τὴν θάλασσαν
	21.	KAI-VerbalForm-Suexpl	καὶ ἐγένετο τὸ τρίτον τῆς θαλάσσης αἶμα
Откр. 8:9	22.	KAI-VerbalForm-Suexpl	καὶ ἀπέθανεν τὸ τρίτον τῶν κτισμάτων...
	23.	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ τὸ τρίτον τῶν πλοίων διεφθάρησαν
Откр. 8:10	24.	KAI-SUexp-VerbalForm	Καὶ ὁ τρίτος ἄγγελος ἐσάλπισεν
	25.	KAI-VerbalForm-Suexpl	καὶ ἔπεσεν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἀστὴρ μέγας καιόμενος ὡς λαμπὰς
	26.	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἔπεσεν ἐπὶ τὸ τρίτον τῶν ποταμῶν...
Откр. 8:11	27.	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ τὸ ὄνομα τοῦ ἀστέρος λέγεται ὁ " Ἀψιθο?
	28.	KAI-VerbalForm-Suexpl	καὶ ἐγένετο τὸ τρίτον τῶν ὑδάτων εἰς ἄψιθον
	29.	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ πολλοὶ τῶν ἀνθρώπων ἀπέθανον ... ὑδάτων...

Очевидно, что нарративные тексты в этих источниках используют те же парадигмы для создания структуры текста, что и Септуагинта (функционирование оппозиции именные-глагольные предложения, еврейский Waw в виде KAI/ΔΕ, практическое отсутствие каких-либо других частиц в нарративных отрывках, древнееврейский порядок синтаксических элементов с преимущественным употреблением глаголов в начале предложений, специфические конструкции типа KAI EGENETO, KAI IDOY (KAI EYTHΨΣ у Mk.), древнееврейский casus pendens, и т. п.). Mk. более походит на переводчика Быт. 1–3, обнаруживая отчетливые корреляции именных предложений с употреблением частицы DE, а глагольных – с частицей KAI. Лк. в своей писатель-

ской манере более походит на переводчика Исх. 1, поскольку стремится внести в текст грекоподобное разнообразие посредством частой смены ΚΑΙ/ΔΕ, автор Апокалипсиса почти вовсе не употребляет частицы ΔΕ, только ΚΑΙ, и этим походит на переводчика 4 Цар. 9. Однако все эти авторы следуют единым *древнееврейским* принципам синтаксического построения нарративного текста, которые были обнаружены при анализе языка Септуагинты. Поскольку норма и система этого языка – заведомо не греческая (это по-прежнему стилистический нонсенс для эллинов, как в случае текста Мк., так и в случае Лк. и Откр.), но при этом это подлинная система и нормативное единство, следует констатировать искомый *факт языка с особой нормой*, т. н. иудейского греческого. Как видно, этот язык возникает как искусственный путем систематической передачи элементов древнееврейского синтаксиса греческими лексемами в тексте Септуагинты. В момент создания ее грекоподобный текст есть по преимуществу функция самого древнееврейского текста, возможность древнееврейского текста быть распознаваемым по греколексемной копии. Но этот язык, оставаясь в своих границах как структурированное единство, постепенно «оживает», поскольку богодухновенный перевод Писания в грекоговорящей иудейской диаспоре постоянно читается и слушается (ср. свидетельства Филона). В результате диаспора обретает *особый литературный сакральный язык, отличный от греческой литературной нормы, от разговорного языка, от каких бы то ни было существующих современных ему норм ввиду своего особого происхождения*. Ввиду особенностей *генезиса*, а также ввиду, очевидно, *иной* структуры, иудейский греческий (тот, что мы находим в новозаветном корпусе и другой грекоязычной иудейской литературе пророческого содержания и «внутренней» для иудейской общины направленности) – ни в коем случае не разговорный, не просторечный, не собрание неправильностей и заимствований, а *литературный эпический традиционный нормативный язык*, коим он был уже в момент создания Евангелий.

Такая констатация изменяет модель описания этого языка, а также само восприятие его как выразительной системы. Тема билингвизма, арамейских и древнееврейских оригиналов, папирусов и пр. получает совершенно иной поворот, так же как и множество других вопросов, в том числе грамматических истолкований конкретных мест текста. Новозаветные авторы, вероятнее всего, писали сразу на традиционном сакральном языке, обладающем целостностью и принятом в грекоговорящей диаспоре для литературы такого рода, и уж только потом проявляли в текстах свои литературные вкусы и лингвистический background.

Таким образом, в кратком обозрении картина следующая. Текстлингвистический синтаксис древнееврейского языка дает возможность видеть *новые значимые элементы структуры древнееврейского текста*. Эти элементы отражаются в грекоподобном тексте Септуагинты *систематически и правильно*, и этот факт дает возможность констатировать, что текст Септуагинты представляет собой доселе не понимаемую структуру, элементы которой ранее не выделялись как таковые и, соответственно, сам принцип конституирования языка Септуагинты был непонятен. Теперь, после открытия Шнайдером и его последователями новых принципов организации древнееврейского текста, попросту говоря, стало ясно, как следует подходить к тексту Септуагинты в поисках системы и каковы элементы этой системы, которые следует искать. В результате рассмотрения текста Септуагинты под таким углом зрения следует констатировать, что в ее грекоподобном тексте «работает» древнееврейская синтаксическая парадигматика, чуждая исконно греческой. Огромный массив текста Септуагинты, структурированный иначе, нежели любой собственно греческий текст, благодаря тому, что постоянно читался и слушался, создает на грекоязычной почве особую литературную норму, на которой постепенно становится возможным создавать литературные тексты. Таким образом, Евангелия, как и Деяния, и Апокалипсис и др. тексты, создаются на языке, который был принят в грекоговорящей иудейской диаспоре как *сакральный богослужебный традиционный язык*. Структура этого языка конституирована в тексте Септуагинты и затем с очевидностью, *в каждом предложении и во всем тексте*, видна в евангельском нарративе. На этом языке *никогда не говорили* (он искусственный по своему генезису), его возможно было только *слышать* при богослужении в грекоязычных иудейских общинах, где читалась и почиталась Септуагинта, и затем на этом языке стало возможным *создавать литературные тексты*, и то не любые, а тексты пророческого содержания, которые имели внутреннюю для иудейской общины направленность, обращенные к сообществу единоверцев. Для этой обособленной и замкнутой в себе аудитории язык Септуагинты был правильным и нормативным, в нем не было нарушений нормы, поскольку этим языком говорил сакральный текст и поскольку в этом языке была своя собственная формально определяемая структура и норма. Таким образом, ввиду особенностей генезиса, ввиду особенностей функционирования и особенностей самой структуры этого языка следует констатировать, что этот язык *не является аутентично греческим, не является разговорным, не является неправильным*. Это – *литературный нормативный традиционный эпический язык* грекоговорящей

иудейской диаспоры. (В качестве понятной иллюстрации того положения, которое занимал этот язык в иудейской диаспоре, можно привести современный пример, который в некотором приближении воспроизводит ту же лингвистическую ситуацию: если сейчас, в настоящее время, создается литературный текст на церковнославянском языке – как поступают, например, в случаях, когда нужно написать тропарь новомученикам, – автор такого текста попадает приблизительно в ту же лингвистическую ситуацию, что и авторы Евангелий в современных для них условиях: в обоих случаях имеет место *традиционный язык*, совершенно *отличный от разговорного*, этот язык зафиксирован в *литературном корпусе*, постоянно цитируемом и воспроизводимом, и этот язык приурочен к области сакрального и понятен и принимаем сообществом верующих.)

* * *

В качестве заключения я хотел бы в двух словах коснуться тех неясностей и абсурдных ситуаций, которые возникают при использовании *прежних* моделей описания и которые разрешаются и объясняются с *новой* точки зрения, которую я только что вкратце изложил.

1) Как я говорил в самом начале, идея о том, что язык Евангелий является *неправильным* и *вне-* (или *мало-*)*литературным*, является отправной точкой исследований в области новозаветной лингвистики. Эта идея возникает из прямого сопоставления этого языка с языком греческой (ионийско-) аттической прозы, в то время как *само сопоставление не имеет никаких прав на существование*: эллинская литературная традиция с принятым и аутентичным для нее языком в высшей степени обособлена от *иудейской* грекоязычной литургической традиции с аутентичным для нее языком Септуагинты. Язык Септуагинты существует как *нелитературный греческий от начала*, его синтаксическая структура возникает *вне всякой связи с (ионийско-)аттической нормой* и *без каких-либо претензий на следование ей*. Этот язык, напротив, следует парадигмам *древнееврейского* текста и, таким образом, конституирует совершенно *особую норму*. Эта норма закреплена в постоянно читаемом и слушаемом корпусе священных текстов, в иудейской литургической практике, замкнутой и отстраненной от стихии греческой словесности, и эта ситуация не предполагает никаких параллелей и пересечений с языком греческой литературной традиции. Именно поэтому прямое сопоставление этих языков невозможно в принципе. (Сравнивая эти языки, мы попадаем с некоторым приближением в ту же абсурдную ситуацию, как если сравниваем церковнославянский язык с современным русским ли-

тературным языком и, находя различия, констатируем, что богослужебный язык – ненормативный и внелитературный).

2) Затем, как я говорил, и эллино-, и семитоцентричная точки зрения явно или подспудно констатируют *отсутствие нормы* в языке Евангелий. В изложенной мною концепции норма этого языка конституируется фактом *традиции* этого языка, фактом *общепринятости* в сфере иудейской религиозной практики и фактом *единой структуры*, обнаруживаемой как в нарративном тексте Септуагинты, так и в нарративных текстах Новозаветного корпуса. В таком случае, действительно, нет ничего странного в том, что целый корпус литературы создан целым рядом авторов, писавших на едином традиционном нормативном языке.

3) Затем, почему же евангелист Лука оставляет «нормативный» язык и переходит к «неправильному» языку, начиненному семитизмами? Здесь, как я уже говорил, дело в том, что язык, на который переходит ев. Лука, ни в коем случае не есть *неправильный*, – он представляет собой *тоже норму*, отличную от (ионийско-) аттической по своей структуре, но равноправную ей в своей замкнутости и литературной авторитетности. Попросту говоря, о *таких* событиях в жизни богоизбранного народа, *для самого этого народа* евангелист Лука не мог писать на языке *чуждой* литературной традиции, а вполне адекватно использовал принятый в литургической практике иудеев традиционный литературный нормативный язык. Точно таким же образом поступают авторы и других новозаветных книг.

4) Затем, почему же арамеоязычный Иосиф Флавий в своих обширных сочинениях не засвидетельствовал ни единого семитизма, а все новозаветные писатели только это и делали? Неужто т. н. явление билингвизма *имело место* в случае новозаветных авторов и *не имело места* в случае Флавия? Ответ здесь весьма прост. Ни о каком *непосредственном* проникновении разговорного узуса в *литературный* текст не может быть и речи, соответственно, сама теория билингвизма в том виде, в котором она существует на сегодняшний день в новозаветной лингвистике, должна быть упразднена или значительно скорректирована. В действительности процесс создания литературного текста подчиняется не разговорным штампам и калькам из речи полуграмотных билингв, а всецело зависит и диктуется требованиями литературного языка и самой литературной традиции, для которой данный литературный язык является аутентичным. Именно поэтому Иосиф Флавий как субъект эллинской литературной традиции пишет на языке (ионийско-) аттической прозы, без каких-либо семитизмов, а авторы новозаветного корпуса пишут на традиционном литературном *иудейском греческом*, который всецело сам является се-

митизмом по своему происхождению и структуре. Между прочим, после констатации принципов устройства языка и аутентичной для него литературной традиции, мы получаем реальную возможность осознать, что в действительности представляют собой *авторский стиль* и *манера*, поскольку стиль и манера могут быть выделены только после того, как осознана и идентифицирована *всеобщая норма* языка, которой подчинен и которой следует индивидуальный язык каждого автора, независимо от характерных, присущих каждому автору особенностей. Именно поэтому семитизмы не являются феноменом стиля и писательской манеры новозаветных авторов, а составляют принятую *структурную норму* языка, на котором они пишут. В сферу же стиля и манеры попадают гораздо более тонкие черты.

5) И последнее. После того как мы констатируем грекоязычную иудейскую традицию и, самое главное, присущий ей структурно единый нормативный общепринятый язык, на котором без посредствующих семитских оригиналов могли писать *все* новозаветные авторы, – не следует ли после этого пересмотреть методологическое значение поиска арамейских или древнееврейских оригиналов? На мой взгляд, такой пересмотр весьма актуален.